

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ГРЕЧЕСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

по Курциусу.

(Продолжение.)

У.

Значение Санскрита и других родственных языковъ.

Несомненно, что въ первой радости, по случаю открытія Санскрита, важность этого языка для изслѣдованія была оценена слишкомъ высоко, и въ сравненіи съ другими родственными языками придано ему преувеличенное значеніе. Правда, ни одинъ серьезный ученый не утверждалъ, что отъ Санскрита происходятъ всѣ остальные языки, только одна бездарность можетъ полагать, будто сравнительное языкознаніе должно выводить изъ Индіи греческія и латинскія слова, а всѣ важнѣйшіе корни и слова этихъ языковъ считать за посторонній наплывъ. Но такъ какъ первые ученые новаго направленія всѣ начинали съ Санскрита и предпочтительно занимались имъ однимъ, то весьма естественно имъ было спрашивать, что сходнаго имѣютъ остальные языки съ санскритскими корнями и словами, и при этомъ не въ мѣру заглядывались на санскритскую систему звуковъ и словъ. Дѣйствительно, Санскритъ прозрачностью своего строя, точностью своихъ законовъ и своей во многихъ отношеніяхъ—именно касательно вокализма—глубокой древностью болѣе чѣмъ всякій другой языкъ способенъ внушить мысль ученому міру о связи всѣхъ родственныхъ языковъ. Богатство древнеиндѣйской литературы, глубокая древность драгоцѣннѣйшаго памятника ея *Риг-веды*, законченная система алфавита, чрезвычайная тонкость и усердіе туземныхъ грамматиковъ, однимъ уже открытіемъ корней

и старательнымъ перечисленіемъ ихъ могущественно содѣйствовавшихъ этимологическому изслѣдованію, — вотъ тѣ преимущества, въ силу которыхъ за этимъ языкомъ надолго еще останется первенствующее значеніе при изученіи всѣхъ Индогерманскихъ языковъ. Но это не мѣшаетъ признать и въ Санскритѣ особаго рода ослабленія и измѣненія, и только подъ этимъ условіемъ возможно правильно пользоваться этимъ языкомъ для сравнительнаго языкознанія. Звукъ Санскрита не можетъ непосредственно служить точкой отправленія для сравнительной работы.

Два класса согласныхъ, губные и нѣбные, какъ теперь дознано, явились въ немъ уже послѣ отдѣленія языковъ. Въ остальныхъ звукахъ Санскритъ испыталъ значительныя степени ослабленія и распаденія, которыя для сравнительной этимологіи были тѣмъ вреднѣе, что ихъ часто не принимали въ расчетъ (см. о нихъ стр. 25—29). Въ настоящее время все тверже устанавливается болѣе строгій и послѣдовательный методъ въ пользованіи Санскритомъ при сравненіи съ прочими родственными языками. Этотъ методъ съ особенною тонкостью проведенъ Шлейхеромъ въ его *Compendium der vergleichenden Grammatik* (1861, 1862). Отъ этого, болѣе правильнаго взгляда, выиграетъ и Санскритъ. Послѣ того какъ Санскритъ долгое время служилъ какъ бы свѣтиломъ для остальныхъ языковъ, положеніе измѣнилось, и теперь падаетъ отъ другихъ языковъ лучъ свѣта на самый Санскритъ. Таковъ вообще путь, по которому наука движется впередъ, что онъ, какъ справедливо замѣчено, рѣдко идетъ по прямой линіи, но обыкновенно по спирали. Предположеніе, будто Санскриту слѣдуетъ приписать во всѣхъ отношеніяхъ возможно большую древность, вредно дѣйствовало на изслѣдованія словъ, на фонетику, особенно на анализъ формъ языка, — формы въ Санскритѣ отчеканены ясно и въ обилии; если въ употребленіи ихъ мы не замѣчаемъ той тонкости, которая поражаетъ насъ въ Греческомъ и Латинскомъ, то все же въ употре-

бленіи ихъ замѣтенъ вообще характеръ прочности и постоянства. Но не такъ-то легко достигнуть ясности въ значеніи санскритскихъ словъ и развѣтвленій его. Присмотрѣвши какое угодно слово въ Глоссаріумъ Боппа или въ Лексиконъ Вильсона, мы всегда почти останемся недовольны. Оба сочиненія имѣютъ цѣлью удовлетворить только самымъ первымъ нуждамъ.

У Вильсона на каждое слово дается десятокъ совершенно различныхъ значеній, изъ которыхъ невозможно составить себѣ одного цѣлаго. Прекрасный Лексиконъ Бетлинга и Рота (С. 116. 1855—64) доведенъ только до половины. Даже въ древнѣйшемъ памятникѣ Санскрита, *Ведахъ*, не смотря на самыя старательныя и остроумныя изслѣдованія ученыхъ, каковы Ауфрехтъ, Бенфей, Кунъ, Максъ Мюллеръ, Ротъ, Веберъ, все еще остается въ этомъ отношеніи много трудностей и даже неразрѣшимыхъ задачъ. Поэтому-то, думаетъ Курціусъ, Санскритъ, по отношенію къ значенію, развитію его и развѣтвленію, долженъ уступить многимъ изъ современныхъ языковъ. Именно въ этихъ пунктахъ неопредѣленна важность живыхъ языковъ. Если мы указали на тождество какого нибудь нѣмецкаго, славянскаго или литовскаго слова съ греческимъ, то нынѣшнее, живое употребленіе его, гораздо важнѣе для объясненія кореннаго значенія, чѣмъ употребленіе соответственнаго санскритскаго слова, о которомъ мы получили намекъ неопредѣленный и кромѣ того часто въ высшей степени неправильно переданный намъ въ посредственной латыни. Нельзя поэтому считать вполне основательнымъ этимологическое правило Пикте (*Origines* I, 123) будто «всегда надо начинать съ санскритскаго слова, если только оно есть.» Уже Поттъ посправедливости оказалъ величайшее вниманіе къ языкамъ запада, а Бенфей во 2-й части своего *Wurgellexicon* дѣлаетъ тоже самое въ гораздо большей степени чѣмъ въ первой. Благодаря усиліямъ Миклошича и Шлейхера, мы можемъ теперь лучше пользоваться Славянскимъ и Литовскимъ языками, богатство которыхъ общасть без-

конечно много. Нѣмецкіе языки разработаны Яковомъ Гриммомъ именно такъ, что они въ особенности много могутъ содѣйствовать этимологическимъ студіямъ.

VI.

Теорія приставокъ.

Есть и другая сторона въ томъ увлеченіи, въ слѣдствіе котораго несправедливо считаютъ Санскритъ образцомъ для остальныхъ языковъ. На практикѣ часто упускаютъ изъ виду ту несомнѣнную для всѣхъ истину, что Санскритъ есть только членъ общаго семейства съ особенно рѣзко выдающимися фамильными чертами, и никакъ не отецъ родственныхъ языковъ. Положительно можно сказать, что отношеніе Санскрита и даже Индогерманскаго языка, къ которому мы доходимъ только посредствомъ комбинацій, ко всякому языку того же корня во многомъ не похоже на то, какъ относится Латинскій къ Романскимъ. Въ промежуточный періодъ времени между жизнью перваго и процвѣтаніемъ послѣднихъ произошелъ перерывъ и затемнѣніе въ сознаніи языка, при чемъ не мало потерпѣлъ его строй и существенно измѣнились его формы. Стоитъ только вспомнить о многочисленныхъ ослабленіяхъ с въ g (итал. luogo=locum), t въ d (padre=patrem), p въ b (abeille=apicula), о выпаденіи согласныхъ (rève lieu). Флексіи латинскія, въ силу того же самаго звуковаго процесса, большею частію исчезли, и явились новыя средства для замѣны падежей. Предлоги, потерявши свою первоначальную звуковую полноту, и, ограниченные въ своемъ значеніи, слились съ другими предлогами или формами мѣстоименій (avant=ab ante, devant=de ab ante, del=de illo). Новое слово составляется нерѣдко изъ двухъ, трехъ и болѣе словъ,

и часто мы замѣчаемъ, какъ много словъ образуется изъ развалинъ древнихъ языковъ въ значеніи какъ-бы случайнаго пособія, пока выростутъ новые ростки и постепенно покажутся идіомы. Если мы станемъ предполагать и допускать подобныя измѣненія и превращенія при возведеніи санскритскихъ, греческихъ, латинскихъ формъ къ ихъ первоначальному виду, то мы будемъ сравнивать между собой существенно различные періоды языка. Въ самомъ дѣлѣ, въ праязыкѣ Индогерманскомъ не замѣчается, на сколько можно видѣть это, никакого перерыва въ преданіи, который уполномочивалъ бы насъ къ смѣлымъ попыткамъ приводить формы языка къ совершенно забытымъ и извращеннымъ элементамъ. Для такого ранняго времени въ жизни языка, какъ время до раздѣленія языковъ, мы не имѣемъ ни одного изъ тѣхъ условій, помощію которыхъ изъясняются подобныя извращенія въ новыхъ языкахъ. — Между тѣмъ встрѣчаются попытки, особенно у Потта, разлагать, по-видимому, простыя формы и корни въ томъ предположеніи, что всѣ ослабленія въ Санскритскомъ существовали въ немъ еще до эпохи раздѣленія. Чаше всего случается, что въ начальной гласной корня (Anlaut) признають болѣе или менѣе извращенную приставку, и поэтому считаютъ справедливымъ производить его изъ болѣе краткаго корня. Но такъ какъ значенію приставки легко придать тотъ или другой оттѣнокъ, а между тѣмъ не полагають почти никакихъ границъ для разнообразѣйшихъ выпаденій и измѣненій звуковъ какъ въ самыхъ приставкахъ, такъ и въ глагольныхъ корняхъ, то въ практическомъ примѣненіи этой теоріи приставокъ выходитъ то, что всякому слову легко указывается корень, похожій на извѣстное санскритское корневое слово. Эта теорія приставокъ была до извѣстной степени причиной того, что значеніе сравнительной грамматики сильно пошатнулось для ученыхъ, не спеціально знакомыхъ съ ней; отсюда большой недостатокъ въ томъ, что представители этой новой науки, вмѣсто того чтобы ограничиваться указаніемъ дѣйствительнаго сходства въ родственныхъ языкахъ, вдаются въ подобныя воздушныя

комбинаціи. Встрѣчаются подобныя попытки и въ греческой этимологіи. Такъ Дедерлейнъ говоритъ о переходѣ *ἀνά* въ *ἀ*, *κατά* въ *κα* и *κ*, *ἐκ* въ *ε*, *διά* въ *ζα* и *σ*, и заставляетъ *σ* въ своемъ происхожденіи изъ *διά* дѣлать *salto martale*, чтобы изъ *διατελάγιοι* вышло *Πέλαγιοι*. Впрочемъ надобно замѣтить, что Поттъ самъ различаетъ многія изъ своихъ комбинацій, имѣющихъ значеніе догадки, отъ аналогій проведенныхъ научно, которыя всѣ сохраняютъ за собой всю силу. Новые сравнительные языкоислѣдователи, устранивъ болѣею частию молча всѣ подобныя попытки, неохотно, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, соглашаются съ тѣмъ, чтобы приемы эти не были позволительны, и по примѣру Потта ссылаются на аналогію новыхъ языковъ. Дѣйствительно, нельзя ничего сказать противъ того, что *s* въ итальянск. *s—ag—gio* произошло изъ *ex*, потому что мы имѣемъ латинск. *exagium*, и это *e* сохранилось въ другихъ романскихъ языкахъ (*essai*). Эта же самая свистящая встрѣчается въ Славянскихъ языкахъ въ значеніи содѣйствія *сз*. Несомнѣнно, что чешское *s—bor*, сложено изъ *s* (церк. слав. *so*=санскр. *sa*) и корня *ber* (=санскр. *bhar*, греч. *φέρ*, латинск. *fer* церк. слав. *бер*—ж), и означаетъ тоже что *Con—fer—enz*. Однако что даетъ намъ право отъ этихъ фактовъ изъ позднѣйшаго періода заключать къ подобнымъ же явленіямъ въ древнѣйшемъ состояніи языка, выставять такія комбинаціи, для составленія которыхъ мы не имѣемъ ни одной посредствующей формы, ни одного изъ тѣхъ началъ вѣроятности, какія существуютъ въ приведенныхъ примѣрахъ, и говорить съ увѣренностью о сложеніи *сз* предлогами тамъ, гдѣ ни въ звукахъ, ни въ понятіи изслѣдуемой формы не находится никакого побужденія обращаться къ этимъ элементамъ? И чтобы такія простыя понятія, какъ «достигнуть», «разнообразить», «имѣть вкусъ», явились въ языкѣ какъ результатъ разсудочныхъ приемовъ составленія, едва ли вѣроятнымъ покажется это тому, кто вмѣстѣ съ Максомъ Мюллеромъ (*Lectures* 11, 66) полагаетъ, что матерія языка

скорѣй образовалась силой поэтическаго творчества, нежели анализирующей мысли.

Въ основѣ указанныхъ выше приѣмовъ лежитъ тотъ взглядъ, что всѣ употребляемыя въ Санскритѣ приставки не только существовали въ немъ прежде раздѣленія языковъ, но именно въ такомъ видѣ, какъ они встрѣчаются теперь въ Санскритской формѣ. Но это слишкомъ смѣлое предположеніе, съ которымъ никакъ нельзя согласиться. Неужели корни, эта въ собственномъ смыслѣ основная матерія языка, по силѣ которой человекъ опредѣленно обозначаетъ окружающій его міръ, неужели они въ большей части должны получить свое происхожденіе изъ процесса разложенія, а эти маленькія словечки—мѣстоименныя ли они по Боппу, или какъ утверждаютъ Веберъ, Яковъ Гриммъ и Шеманъ, глагольные корни, или какъ Поттъ ихъ называетъ *sui generis*,—значеніе которыхъ скорѣе въ томъ, чтобы вообще указывать, нежели опредѣленно обозначать, неужели эти незначительныя словечки должны быть такъ первичны, древнѣе этихъ употребительнѣйшихъ и необходимѣйшихъ глагольныхъ корней? Поттъ, напр. въ доказательство того положенія, что встрѣчаемыя въ Санскритскомъ выпаденія начальнаго *a* слѣдуетъ приписать раннему времени до раздѣленія, приводитъ санскр. *smas*=*sumus*,—примѣръ крайне неудачный, потому что греч. *εσμεν*, литовс. *esme*, церк. слав. *іесмы* несомнѣнно показываютъ, что индогерманской формой было *asmas*, и что совпаденіе индѣйской формы съ латинской въ потерѣ начальной гласной есть чистая случайность. Далѣе, связь предлоговъ съ глагольными корнями была ли на столько существенна и необходима, что изъ нихъ съ легкостью могли образоваться новыя корни? Извѣстно, что предлоги сначала были нарѣчiями, указывающими извѣстное направленіе, и въ нихъ мы ясно можемъ замѣтить надежныя формы. Итакъ предлоги были первоначально совершенно самостоятельными словами, и уже впослѣдствіи они потеряли ее, съ одной стороны соединившись съ глагольными корнями какъ приставки, а съ другой какъ собственно предлоги—съ надежами,

обозначающими разнообразныя мѣстныя отношенія. Самъ языкъ указываетъ на связь приставокъ съ глагольными формами, какъ на явленіе случайное, помѣщая напр. въ Санскрит. и Греческ. приращеніе и удвоеніе между предлогомъ и глагольной формой. Исключения изъ этого правила, какъ *ἔκαστα*, *ἡνεσχόμην*, суть явленія уже послѣ гомерическія. Л. Ланге (*Verhandl. der Göttinger Philologenversaml. 1852, s. 104*) показалъ, что необыкновенно сильное употребленіе предлоговъ какъ приставокъ замѣчается въ первый разъ въ эпическомъ санскритѣ, тогда какъ Веды подходятъ въ этомъ отношеніи къ гомерическимъ гимнамъ. Итакъ въ древнѣйшихъ памятникахъ Санскритск. и Греческ. языковъ мы находимъ весьма мало примѣровъ соединенія съ предлогами; а это ведетъ къ тому разумному заключенію, что мы не имѣемъ никакого права употребленіе предлоговъ въ качествѣ приставокъ относить ко времени до раздѣленія и допускать, будто значительное количество глагольныхъ корней уже въ то время въ такой степени срослись съ приставками, что изъ нихъ произошли имена и даже первичные глаголы со всѣми своими производными. Такому положенію вполне противорѣчитъ хронологія языкознанія, то есть строгое различеніе періодовъ въ жизни языка. Число сложныхъ словъ (*composita*), принадлежащихъ многимъ языкамъ, чрезвычайно незначительно, да и здѣсь весьма нерѣдко сомнѣніе, составляютъ ли они общее достояніе, или принадлежность одного извѣстнаго языка. Даже въ такихъ близко родственныхъ языкахъ, каковы Латинскій и Греческій, только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть указано сходство въ составленіяхъ изъ предлоговъ. Выработка этихъ словъ безъ сомнѣнія относится къ тому періоду, когда каждый изъ нихъ образовывался отдѣльно. Точно такъ же въ Санскритск. Германск. Славянскихъ языкахъ въ обиліи встрѣчаются примѣры извращенія приставокъ, но всѣ они вполне независимы одинъ отъ другаго и возникли долго спустя въ періодъ отдѣльнаго существованія каждаго изъ нихъ. Въ Греческомъ и Латин-

скомъ подобныя явленія не многочисленны, но зато Греческій сохранилъ въ высшей степени живости чувство самостоятельности предлоговъ.

VII.

Понятіе о корнѣ.—Внутреннія измѣненія.—Вариация корня.

Вообще въ стремленіи разлагать корни на ихъ элементы зашли слишкомъ далеко. Положеніе «доказывая «слишкомъ много, ничего не доказываемъ» можетъ быть вполне примѣнено ко многимъ убѣжденіямъ сравнительнаго языкознанія. Многія несомнѣнныя сближенія остались въ тѣни именно вслѣдствіе того, что были окружены массой въ высшей степени смѣлыхъ догадокъ. По мнѣнію Курціуса, гораздо больше можно выиграть, если извѣстное греческое слово вмѣстѣ съ другими побочными и производными, тѣсно связанными съ нимъ въ самомъ же Греческомъ, мы будемъ съ полнымъ знаніемъ приравнивать къ паличнымъ санскритскимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ, славянскимъ, чѣмъ если бы стали теряться въ смѣлыхъ комбинаціяхъ о происхожденіи той формы, которую послѣ этого сопоставленія мы должны представить какъ основную, — комбинаціяхъ, рѣдко приводящихъ къ прочнымъ результатамъ. Уже Поттъ въ своей рецензій *Wurzellexicon* Бенфея предостерегаетъ отъ этой опасности и вмѣсто мечтательнаго всезнанія рекомендуетъ на многіе вопросы открыто сознаться въ незнаніи, хотя впрочемъ самъ нисколько не слѣдуетъ этому правилу. Быть можетъ, со временемъ еще болѣе откроется завѣса, закрывающая отъ насъ начальный моментъ образованія Индогерманскихъ языковъ, быть можетъ, наука, достигши современемъ этой высоты, многіе отдѣльные вопросы укажетъ намъ или потомству въ другомъ свѣтѣ; но, при настоящемъ состояніи языкоислѣдованія, самый вѣрный и прямой путь—въ трезвости взгляда и умѣренности. Могутъ возразить намъ, что при такой осторожности придется оставить въ сторонѣ много инте-

решѣйшихъ вопросовъ, и, дѣйствительно, этимологи съ особенной охотой берутся обыкновенно прежде всего за эти труднѣйшіе вопросы. Однако въ филологіи, какъ и вездѣ, возможенъ успѣхъ только подѣ условіемъ ограниченія задачъ и прежде всего подѣ условіемъ внимательнаго различенія области *познаваемаго* отъ необлѣтной сферы *догадокъ*. И въ болѣе тѣсномъ кругу, — который впрочемъ все еще довольно обширенъ, — не обойдемся безъ разнорѣчивыхъ объясненій. Наука не имѣетъ цѣлью удовлетворять любопытству или пускаться въ оборотъ болѣе или менѣе замѣчательныя догадки; она стремится расширять область истины, а область ошибокъ заключать въ болѣе и болѣе тѣсныя границы.

Хотя этимологу слѣдовало бы не итти далѣе тѣхъ формъ, которыя оказываются ясными изъ сравненія дѣйствительно существующихъ формъ различныхъ языковъ, — но при извѣстныхъ случаяхъ едва ли можно удержаться въ этихъ границахъ; таковы труднѣйшіе вопросы для языкоислѣдованія о варіаціи корней и объ образованіи вторичныхъ корней.

Здѣсь Курціусъ развиваетъ свое замѣчательное понятіе о корнѣ. Поттъ называетъ корни основной матеріей языка, — опредѣленіе вполне вѣрное, но слишкомъ общее. «Сображаясь съ тѣмъ, въ какомъ видѣ открывается намъ корень въ Индогерманскихъ языкахъ, мы можемъ сказать: «корень есть такой исполненный значенія звуковой комплексъ, который остается и послѣ того, если отъ данной формы слова отнять все формальное. Сюда относятся нагляднѣе всего первичныя глагольныя формы. Возьмемъ \acute{e} — $\tau\acute{i}$ — $\theta\epsilon$ — $\tau\omicron$: грамматика показываетъ опредѣленное значеніе каждой части этой формы: \acute{e} означаетъ прошедшее; удвоеніе $\tau\acute{i}$ указываетъ на корень настоящаго, или на продолжающееся дѣйствіе; $\tau\omicron$ —третье лицо ед. сред. залога; остается $\theta\epsilon$, которое очевидно и есть корень. Сравнивая между собою $\zeta\epsilon\upsilon\gamma$ — $\nu\omicron$ — $\mu\iota$, $\zeta\epsilon\omicron\zeta\iota$ — ς , $\zeta\omicron\upsilon\theta$ — υ , достигнемъ до корня $\zeta\omicron\upsilon\gamma$, отъ котораго легко производятся указанные три формы. Впрочемъ высказанное понятіе о корнѣ мы должны ограничить. Разлагая \acute{e} — $\gamma\acute{i}$ —

γυ—ε—то точно такъ же какъ ε—τι—θε—то, мы получимъ неудобовыговариваемый корень γυ. Бенфей дѣйствительно принимаетъ подобные, впрочемъ не по однимъ только греческимъ законамъ не выговариваемые, корни; онъ имѣетъ дѣло съ звуковыми комплексами въ родѣ γλ, χν, χρ, δε и по справедливости съ разныхъ сторонъ высказаны возраженія противъ этого. Если корни добываются помощію абстракціи, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, будто сами они — абстракція, хотя въ историческомъ состояніи языковъ они дѣйствительно не существуютъ сами по себѣ, въ своемъ первичномъ видѣ. Какъ бы въ полусознанномъ видѣ лежатъ они въ основаніи различныхъ происходящихъ отъ нихъ формъ, подобно тому какъ образовавшіяся изъ нихъ первообразныя слова въ свою очередь служатъ основой для формъ, вырастающихъ изъ нихъ. Гораздо основательнѣе полагать, что подобные корни еще въ самый ранній періодъ жизни языка, въ періодъ предшествующій флексіи, отдѣленные отъ всякихъ прибавокъ, имѣли дѣйствительное существованіе, или другими словами, что по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ были дѣйствительными словами; это предположеніе, кромѣ многого другаго, имѣетъ за себя еще и то, что въ послѣднее время оно подтверждено между прочимъ Штейнталемъ и Максомъ Мюллеромъ. Поэтому индогерманскими корнями слѣдуетъ признавать только такіе звуковые комплексы, которые по законамъ Индогерманскаго праязыка могутъ быть выговариваемы.

Итакъ, выходя изъ γυ вмѣсто γεу, мы должны уже въ словѣ γεуос принять усиленіе, и слѣдовательно, кромѣ окончанія, еще новый формальный элементъ, что совершенно неумѣстно. Очевидно, выпаденіе гласной въ γυ, какъ нѣчто чисто случайное, ограничивающееся нѣкоторыми немногими образованіями изъ корня, въ такой же мѣрѣ не относится къ корню, какъ и усиленіе ζευ изъ ζου. Итакъ, высказанное выше генетическое опредѣленіе корня слѣдуетъ дополнить въ томъ смыслѣ, что корень есть звуковой комплексъ такого рода, который остается

и послѣ того, когда отъ даннаго слова отнимемъ все формальное и случайное.

Труднѣе отвѣчать на другой вопросъ: слѣдуетъ ли для каждаго отдѣльнаго языка представлять особенные корни, или же только общіе корни для всѣхъ родственныхъ языковъ? Съ перваго взгляда кажется, что сообразнѣе всего съ дѣломъ было бы придерживаться высказаннаго нами взгляда, по которому корни были первоначально дѣйствительными словами языковъ, или только не принимать въ расчетъ Греческаго языка. Въ самомъ дѣлѣ, имѣть ничего вѣрнѣе какъ то, что θε, ζου, γεу никогда не были самостоятельными словами, а образовались долго спустя послѣ того, когда языкъ вышелъ изъ періода первичныхъ словъ. Только относительно звуковыхъ комплексовъ dhâ (или dha) jug, gan, правильно добытыхъ изъ этихъ звуковъ, можно съ вѣроятностью полагать, что они имѣли отдѣльное существованіе въ это раннее время. Поэтому-то Гейзе вмѣстѣ съ Штейнталемъ принимаютъ только индогерманскіе корни, тогда какъ Яковъ Гриммъ придерживается того убѣжденія, что звукъ, имѣющій значеніе корня для одного языка, по отношенію къ другому, не можетъ быть признанъ таковымъ. Ясно, что вопросъ разсматривается здѣсь не въ области теоріи, а существенно со стороны практическихъ нуждъ при спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Кто стоитъ только за индогерманскіе корни, тотъ естественно долженъ устранить не только греческіе, но и санскритскіе корни. Но дѣйствительно ли мы въ состояніи дойти до абсолютно-послѣдняго корня? Многіе однозвучные корни, получаемые для индогерманскаго періода, предостерегаютъ насъ отъ этого. Возьмется ли кто нибудь значеніе индогерманскаго корня kam «любить» и «хлебать» привести къ первичному, основному значенію и найдетъ ли вѣроятнымъ, чтобы языкъ въ самомъ началѣ пользовался одними и тѣми же звуками для выраженія различныхъ представленій? Поэтому Курціусъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что индогерманскій языкъ вышелъ изъ такихъ словъ, которыя могутъ быть добыты, и что многія изъ нихъ въ самомъ началѣ состо-

или именно изъ тѣхъ звуковъ, въ которыхъ мы находимъ ихъ теперь. Но при этомъ все же невозможно рѣшить, слѣдуетъ ли считать абсолютно-древнѣйшимъ звуковой комплексъ, соединенный съ извѣстнымъ значеніемъ, или не слѣдуетъ? И потому-то языкоислѣдованіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всегда будетъ имѣть дѣло съ относительно-корнями, которые для каждаго отдѣльнаго языка представляются въ иномъ видѣ.

Впрочемъ, иногда и тотъ послѣдній звуковой комплексъ, который является намъ какъ бы уже недѣлимъ и собственнымъ носителемъ извѣстнаго значенія, показывается въ различныхъ видахъ, и возникаетъ вопросъ: какой первоначальный и собственный видъ корня? Новѣйшее языкознаніе, согласно съ санскритскими грамматиками, признаетъ древнѣйшимъ болѣе краткій видъ корня; такъ напримѣръ для $\zeta\epsilon\upsilon\gamma\omega\mu\iota$ —и $\zeta\epsilon\upsilon\gamma\omicron\varsigma$ — $\zeta\omicron\gamma$, для $\lambda\acute{\epsilon}\iota\pi\omega$ и $\lambda\epsilon\lambda\omicron\iota\pi\alpha$ — $\lambda\iota\pi$, для $\lambda\eta\theta\eta$ — $\lambda\alpha\theta$ принимаются за корень. Уже впоследствии, и именно въ связи съ флексіями и многоразличными образованіями именныхъ корней является въ языкѣ наклонность дѣлать коренные слоги въ извѣстныхъ случаяхъ полнѣе и шире,—наклонность, которая съ одной стороны привела къ удвоенію, а съ другой къ тому поднятію гласныхъ, которое въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи азыка сдѣлалось такъ разнообразнымъ. Отъ поднятія гласныхъ происходитъ между прочимъ то, что во многихъ случаяхъ получается двойная тема для глагольных измѣненій или производства именъ напр. gen, gon ($\gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota, \gamma\acute{\epsilon}\gamma\omicron\nu\alpha$) $bher, bhor$ ($\phi\acute{\epsilon}\rho\omega, \phi\acute{o}\rho\omicron\varsigma$). Эти отличія въ корнѣ легко объясняются постепенностью перехода первоначальнаго a сначала въ e , а впоследствии въ o ($gan bhar gen bher, gon bhor$). Совершенно другое отношеніе между e и a въ $\kappa\epsilon\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ и $\kappa\alpha\lambda\acute{\epsilon}\omega$, $\sigma\tau\epsilon\lambda\lambda\omega$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\lambda\eta\nu$, $\beta\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ $\beta\alpha\lambda\lambda\omega$, $\tau\rho\epsilon\pi\omega$ $\acute{\epsilon}\tau\rho\alpha\pi\omicron\nu$. Въ этихъ словахъ нельзя принимать звукъ a , какъ болѣе сильный, поднятіемъ o , потому что это o является при e и a отдѣльнымъ звукомъ въ $\sigma\acute{o}\lambda\omicron\varsigma$, $\beta\omicron\lambda\acute{\eta}$, $\tau\rho\acute{o}\pi\omicron\varsigma$; точно также нельзя считать первоначальными корнями $\kappa\alpha\lambda$, $\sigma\tau\alpha\lambda$, $\beta\alpha\lambda$, $\tau\rho\alpha\pi$, потому

что *βολή*, *τρόπος* въ такомъ же точно отношеніи къ *βελ*, *τρέπ*, какъ *γόνος* къ *γεν*. Ясно, что обѣ формы слѣдуетъ признать за древнѣйшія.

Съ звуковымъ поднятіемъ имѣеть весьма большое сходство увеличеніе корня приставкой носоваго звука (*Nasalirung*). Еще древними греками замѣчено «что носовые не всегда составляютъ существенную принадлежность слова; такъ они указывали *ὄβριμος* при *ὄβριμος*, *τόρπανον* при *τόπανον*. Это обгловое *υ* появляется въ греческомъ и въ концѣ слова, напр. *ἐστίν* при санскр. *asti*, *φέρουσιν*, и допускается языкомъ или по крайней мѣрѣ признается грамматиками въ томъ случаѣ, когда связь словъ или надобность стиха требуетъ его появленія. Изъ извѣстныхъ грамматиковъ, кромѣ Потта, Лепсіусъ и В. Гумбольдтъ признали, что носовые служатъ къ поднятію гласныхъ (*Nasalirung*). Поттъ справедливо замѣчаетъ: «ни одинъ согласный звукъ не можетъ сравниться съ носовымъ въ гибкости»; «если, произнося извѣстный «звукъ», мы дадимъ струѣ воздуха, необходимой для образования его, направление черезъ полость носа, то «этимъ мы придадимъ звуку носовой оттъѣнокъ.» Физиологія находитъ образованіе носоваго звука очень много похожимъ на образованіе гласнаго звука. «Общее между ними,» говоритъ Брикке, «въ томъ, что въ носовомъ «звукѣ не замѣчается особеннаго, отъ голоса независимаго шума; онъ основывается на отраженіи звука (*gesonanz*).» Лепсіусъ называетъ вставку носовыхъ «гласнымъ измѣненіемъ» и указываетъ на то, что индѣйцы изображали носовой звукъ одинаково съ гласнымъ. Несправедливо поэтому смѣшивать носовые звуки съ собственно согласными. Тѣ, которые въ появленіи носовыхъ въ корнѣ слова не признають явленія, параллельнаго удвоенію и гласному поднятію, въ объясненіяхъ своихъ встрѣчаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ много затрудненій. Такъ считая это *υ* принадлежащимъ къ корню, они принимаютъ напрасное удлиненіе корня, напр. вслѣдствіе родства *ἰνδ-ἄλλομαι* съ *ἰδεῖν* для *ἰδεῖν* полагають

первоначальный видъ корня *vind*, потомъ *vid*, далѣе *vaid* (греч. *είδ*, *οἶδ*), или приходятъ въ своихъ объясненіяхъ ко многимъ другимъ странностямъ и несообразностямъ. Но есть такіе корни, гдѣ рѣшеніе вопроса о сравнительной древности пока невозможно; таковы корни, конечные согласные которыхъ различны. Для *ῥοραι*, *ῥφς* безусловно принимается *ορ*, какъ корень; но можетъ показаться, что въ этомъ случаѣ *π* явилось на мѣсто *κ*, и что родственные слова *ῥσσε*, *ῥσσοραι* объясняются только изъ корня *οκ*, лежащаго въ латинскомъ *ocula*—*s*. Однако, если бы мы хотѣли выставить *οκ* корнемъ и для *ῥοραι*, то это было бы ошибкой, потому что перемѣна *κ* на *π* не есть ни что либо формальное, служащее для выраженія какого либо отношенія, ни что либо случайное для *ῥοραι*, *ῥφς*. Такимъ образомъ здѣсь мы должны признать затемнѣніе чувства языка и принять двойной корень *οκ* и *ορ*.

Доселѣ можно было объяснить разницу въ формахъ корня собственно изъ звуковыхъ отношеній. Такъ называемая *варіація корня* выходитъ изъ указанныхъ границъ. Поттъ считаетъ въ значительномъ числѣ случаевъ варіаціи корней явленіемъ относящимся къ весьма раннему времени въ жизни языка, и значеніе этого явленія ставитъ въ томъ, что помощію его придается видоизмѣненіе (*Temperirung*) основному понятію. Самая варіація корня состоитъ въ измѣненіи или приставкѣ звука въ началѣ слова (*Anlaut*), или въ срединѣ (*Inlaut*), или въ концѣ (*Auslaut*). Курціусъ, основываясь на общемъ свойствѣ всѣхъ Индогерманскихъ языковъ, принимаетъ варіацію корня только въ концѣ слова; въ примѣрахъ варіаціи въ началѣ и срединѣ онъ видитъ или совершенно отдѣльные корни (*scalp*—*ο* и *sculp*—*ο*, *γλάφ*—*ω* и *γλόφ*—*ω*), или если признаетъ варіацію въ нихъ, то относитъ ее къ раннему періоду до раздѣленія языковъ. Такимъ образомъ къ варіаціи корня относятся только тѣ случаи, когда встрѣчаются въ языкѣ корни въ двойственной формѣ, изъ которыхъ одна длиннѣе другой на

одинъ согласный звукъ въ концѣ. Гриммъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Нѣмецкомъ языку, признаетъ старѣйшинство за формой, оканчивающейся на согласный звукъ, заявляя при этомъ, что согласный звукъ могъ прибавиться въ ранній періодъ. Курціусъ, согласно съ Поттомъ, принимаетъ первичной формой болѣе краткую, удлинненную—вторичной, а самый видъ корня, въ слѣдствіе приставки къ нему согласнаго звука, называетъ *дальнѣйшимъ образованіемъ* (Weiterbildung); здѣсь, естественно, не имѣютъ мѣста измѣненія подобныя греческ. ς въ концѣ слова, гдѣ оно или ассимилируется, или совсѣмъ выпадаетъ: корень $\acute{\epsilon}\varsigma=\epsilon\text{---}\omicron\nu\tau$, f. $\epsilon\sigma\text{---}\omicron\nu\tau$, $\acute{\epsilon}\iota\text{---}\mu\acute{\iota}$; корень $\acute{\epsilon}\varsigma=\acute{\epsilon}\nu\text{---}\nu\omicron\mu\acute{\iota}$, f. $\epsilon\sigma\text{---}\nu\eta\text{---}\mu\acute{\iota}$; тутъ только кажущаяся двойная форма. Подъ категоріею дальнѣйшаго образованія (Weiterbildung) разумѣются такіе собственно корни, которые во многихъ языкахъ показываются въ двойственномъ видѣ, и при томъ такъ, что происхождение удлинненной необъяснимо изъ болѣе краткой по законамъ фонетики. Сравненіе $\lambda\acute{o}\phi\omega$ и измѣненіе его $\acute{\epsilon}\tau\omicron\phi\alpha$, $\delta\delta\mu\beta\alpha$ съ санскр. $dhur$ «курить», «дымить» указываетъ на слѣдующій болѣе короткій корень для этихъ обоихъ глаголовъ dh , санскр. dhu , существующіе въ словахъ $\delta\acute{\upsilon}\omega$, $\delta\acute{\upsilon}\omicron\varsigma$, $\delta\acute{\upsilon}\mu\omicron\nu$ и санскр. $dhu\text{---}mas$ =лат. *fumus*. Итакъ корень dhu усиленъ и удлинненъ помощію согласнаго звука p .—Затѣмъ Курціусъ, подвергая анализу и сравненію много разнообразныхъ словъ, показываетъ, что для удлинненія корней языкъ пользуется всѣми почти согласными звуками: $\varphi=bh$, k , g , t , d , dh , θ , σ , носовыми звуками (которые въ другихъ родственныхъ языкахъ произносятся другими органами, напр. санскр. $g\acute{a}$, $a\text{---}ga\text{---}m=\beta\alpha$, $\acute{\epsilon}\beta\eta$), плавными. Итакъ при внимательномъ наблюденіи надъ языкомъ оказывается въ немъ значительное количество корней съ подобнымъ или почти тождественнымъ значеніемъ, служащихъ для выраженія временъ глагола и другихъ отбѣнковъ въ значеніи при спряженіи. Выше замѣчено о мнѣніи Гримма относительно этого явленія. Впрочемъ едва ли кто рѣшится утверж-

дать, чтобы корень *du* былъ сокращеніемъ изъ *доп*, *ол* или *оле* изъ *олек*, санскр. *ju* изъ *jug*; тоже самое должно сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда при корнѣ съ гласнымъ звукомъ оказывается много коренныхъ словъ, заканчивающихся не одинаковыми согласными (напр. *ju jug judh, bhā bham bhas dhav, ma (με). mad mag, stā stap star stal.*) Итакъ слѣдуетъ считать древнѣйшей болѣе краткую форму.

VIII.

Послѣднее отождествленіе образующихъ слова суффиксовъ.

Если при отысканіи корней вдаются иногда въ выходящее изъ границъ разложеніе звуковъ, то, по отношенію къ суффиксамъ, замѣчается въ сравнительной этимологіи стремленіе противоположнаго свойства, именно, отдѣльныя слова, несомнѣнно родственныя, какъ можно полнѣе приравнивать одно къ другому. Поттъ съ особенной силой указываетъ на то, что должно различать между сходствомъ въ цѣломъ и частяхъ, и что языку не слѣдуетъ отказывать въ правѣ изъ извѣстнаго корня или первообразнаго слова (*Wurzel oder Stamm*) производить различныя слова помощью различныхъ суффиксовъ. Въ послѣднее время Кунъ и Эбель, а еще въ большей степени Бенфей и Лео Мейеръ, поставили себѣ задачей показать тождество разноразличныхъ суффиксовъ на томъ основаніи, что они въ одинаковомъ значеніи присоединяются къ тѣмъ же корнямъ, — попытка точь-въ-точь подходящая подъ указанное стремленіе отъ частнаго сходства переходить къ полному.

Индогерманскій языкъ употребляетъ различныя звуковыя средства для выраженія даже такихъ отношеній, которыя по своей простотѣ и совершенной тождественности всего менѣе нуждаются въ различеніи; такъ мы находимъ *πρῶτος*, *primus*, готск. *fruma* подлѣ, *prōtos* и *pratha* — *mas*; имѣемъ двоякіе суффиксы для степени сравнительной и многообразныя образованія уменьши-

тельныхъ. Мы знаемъ, что Санскритъ съ самыхъ древнѣйшихъ поръ богатъ суффиксами, и что въ одномъ родственномъ языкѣ для извѣстной опредѣленной цѣли употреблялся исключительно или предпочтительно такой-то суффиксъ, а въ другомъ для той же цѣли другой. Попытка Эбеля (Zeitschr. IV, s. 12¹) ведетъ къ однообразію и монотонности. Лео Мейеръ во второй части Vergleich. Gram. der Griech. u. L. съ особенною рѣшительностью провелъ теорію образованія словъ, называемую *теоріей причастій* (Participialtheorie). Эта теорія, по справедливости осужденная Поттомъ и Зонне, основывается на совершенно произвольномъ мнѣніи Бенфея, будто причастія и именно причастія наст. дѣйст. образуютъ самое большое количество именныхъ формъ, при чемъ допускаются разнообразнѣйшія звуковыя перемѣны. Такимъ образомъ, тогда какъ новое языкознаніе усиливается открыть начала разумности, управляющія языкомъ, по этой теоріи выпаденіе звуковъ зависитъ отъ одной случайности; и хотя признано за несомнѣнное, что чисто-случайное не входитъ въ область научнаго знанія, не смотря на то утверждаютъ, что возможно разгадать извороты этой игры случая и перѣдко высказываютъ это съ такой увѣренностью, что отклоняютъ всякое сомнѣніе.

При обзорѣ богатства греческихъ словъ слѣдуетъ наоборотъ указать на значительное разнообразіе суффиксовъ и на то, что происхожденіе отъ одного корня и при одинаковомъ значеніи не требуетъ приложенія одного и того же суффикса. Сопоставляя *lacrī—ma* съ греческ. *δακρυ—ον*, *δακτυλο—ς*, съ лат. *digitu—s*, и съ гот. *taihō, ?—o—s*, стрѣла, съ Санскритскимъ *ish—u—s*, Курціусъ не усиливается дойти до тождества суффиксовъ и довольствуется единствомъ корня и значенія. Для объясненія происхожденія различныхъ суффиксовъ можно привести слѣдующія положенія. Во-первыхъ, еще до раздѣленія языковъ очень многія формы произошли отъ одного корня и стояли одна подлѣ другой съ едва различнымъ отбѣнкомъ въ употребленіи, и затѣмъ случайно удержалась одна форма въ одномъ языкѣ, другая въ другомъ,

при чемъ мы уже не можемъ сознать различія въ значеніи. Во-вторыхъ нельзя полагать, чтобы послѣ раздѣленія языковъ суффиксы только извращались и затемнялись; напротивъ, время это обладаетъ способностью дальнейшаго развитія и расширенія ихъ. Матеріалъ Греческаго языка, предлагаемый Курціусомъ во 2 и 3 книгѣ его труда, убѣждаетъ въ несомнѣнности этихъ двухъ положеній; 3-я книга даетъ понять всю силу самостоятельнаго развитія этого языка послѣ выдѣленія его изъ семьи индоевропейской.

IX.

Преувеличеніе и недостаточная оцѣнка равнозначимости словъ.

Съ ошибочнымъ мнѣніемъ, будто въ Индогерманскомъ языкѣ въ періодъ до раздѣленія его можно указать самый богатый запасъ самостоятельныхъ словъ, вполне сложившихся и въ звуковомъ отношеніи и въ понятіи, состоитъ въ тѣсной связи другаго рода заблужденіе—отождествлять равно-звучащія слова, не доискаясь при этомъ ихъ очевиднаго родства. У Грековъ каждое отдѣльное божество имѣло много наименованій. Тѣмъ болѣе по отношенію къ общему слову для названія божества вообще, мы должны предположить у Индогерманцевъ нѣкоторое сознаніе, что «имя не называетъ его,» вслѣдствіе чего съ самаго начала были у нихъ многоразличныя попытки для наименованія божества. Отъ этого зависитъ то, что различные народы общаго корня такъ различаются между собою въ этомъ словѣ, и изъ многихъ первоначальныхъ названій божествъ въ одномъ народѣ осталось одно, въ другомъ-другое, въ связи конечно съ народнымъ представленіемъ. Мы не имѣемъ права сближать *Θεός* и *Deu-s*, такъ какъ начальные звуки (*Anlaut*) этихъ словъ совершенно различны, и это различіе пока необъяснимо для насъ; тоже самое должно сказать и о другихъ словахъ менѣе духовнаго характера. Такъ Боппъ сравниваетъ санскр. *g'ag'* «сражаться» съ лат. *pug-n-o*,

и объясняетъ это сравненіе перемѣною гортанной въ губную, хотя въ другихъ мѣстахъ нельзя указать на этотъ переходъ гортанной *media g* въ губную *tenuis p*; при этомъ нельзя отдѣлять *rug-n-a-re* вмѣстѣ съ *ru-gna* отъ *rug-ni-s*, греч. *πόξ*, древнѣм. *fust*. Еще смѣлѣе будетъ сравнивать *δίψα* (е *βίφα* *рго* *πιψα*) съ равнозначущимъ санскр. *pī-ra-sa*, латинск. *ur̄b-s* съ санскр. *purī* посредствомъ перестановки буквѣ. И въ новѣйшее время довольно часты попытки подобнаго рода; таково у Легерлотца отождествленіе нѣмец. *schwarz* съ греч. *μέλας*.— Языкъ достигаетъ до одного и того же понятія помощію самыхъ разнообразныхъ представленій, до однихъ же представленій помощію самыхъ разнообразныхъ признаковъ. Санскр. *purī* вм. *paṛī*, равное греч. *πόλις*, безъ сомнѣнія, восходитъ къ корню *paṛ*, *πελ*, *πλε* и первоначально означало представленіе полноты, множества, плотности, откуда впоследствии развилось понятіе города, не заключающее уже въ себѣ этого чувственнаго представленія. Даже отъ вниманія Грековъ не ускользнуло отношеніе *πόλις* къ *πόλλοι* и у аристократическаго Платона проглядываетъ это производство (*Resp.* II р. 369). Напротивъ *ἄστυ* вм. *Γᾶστυ*—Санскр. *vāstu* отъ корня *vas* «обитать» достигло до того же понятія отъ самаго общаго представленія *жилья*, обитаемаго, каковое представленіе связано съ Санскр. *vāstu*. Чутье различія удержалось даже въ болѣе политическомъ значеніи слова *πόλις* и въ чисто-мѣстномъ значеніи слова *ἄστυ*. Лат. *ur̄b-s* примыкаетъ къ *orbī-s*, и означаетъ такимъ образомъ кругъ городской стѣны. При этомъ Римляне имѣли еще *op-pidu-m*, производимое Курціусомъ отъ *pedu*—*m*—греч. *πεδο*—*ν*, Санскр. *padu*—*m* и *ob* при, за, подлѣ, такъ что *op—pidu—m* значитъ «то, что лежитъ около насъ, за полемъ»; оно составлено какъ *am—segetes*, *quorum ager viam tangit*, какъ *am—termini*, *qui circa terminos provinciae manent*; отсюда можетъ быть древнее значеніе *oppida* «граница бѣга на колесницахъ», такъ какъ эта граница лежала сей часъ же за ареной. Если та-

кимъ образомъ каждый языкъ имѣетъ извѣстное число синонимовъ для выраженія одного и того же понятія, то какого вѣроятія заслуживаетъ то положеніе, будто одно изъ этихъ словъ должно быть тождественно съ словомъ другаго языка, не смотря даже на звуковое различіе? Поттъ въ своихъ сочиненіяхъ часто предостерегаетъ отъ «сирены созвучія; и дѣйствительно, характерическая черта истинно-вѣрной этимологіи, къ которой мы стремились отъ дикихъ мечтаній прежняго времени—въ томъ, что для насъ не только теряетъ всякій вѣсъ одно только созвучіе, но даже и въ томъ случаѣ, когда идетъ дѣло о родствѣ словъ различныхъ языковъ, часто представляется основаніе отвергать это родство. Максъ Мюллеръ остроумно выражается: *sound etymology has nothing to do with sound*—выраженіе, которымъ можно впрочемъ злоупотреблять. Въ сходствѣ значеній мы должны признать фею, родственную сиренѣ созвучія, и такъ же мало должны слѣдовать ей какъ и первой. И если въ исторіи языка въ самомъ дѣлѣ выступаютъ важныя спорадическія замѣшательства и вполнѣ болѣзненные, безотчетныя звуковыя превращенія, какъ принимаютъ это съ увѣренностью нѣкоторые ученые, то мы должны отказаться отъ всякой этимологической работы. Только то, въ чемъ замѣтно присутствіе закона и внутренней связи, можетъ быть предметомъ научнаго обследованія; о случайномъ можно только гадать, но не раскрывать его, какъ несомнѣнное.

X.

Индогерманскіе звуки въ сравненіи съ системой звуковъ въ Греческомъ и въ родственныхъ языкахъ.

Чтобы путемъ этимологическихъ розысканій указать законы и правила языка, для этого необходимо прежде всего отказаться отъ слишкомъ смѣлыхъ попытокъ раскрыть послѣдніе элементы языка. Вмѣсто всего этого слѣдуетъ въ сокровищницѣ cadaго отдѣльнаго языка

отмѣтить то, что въ силу простыхъ и непосредственно убѣдительныхъ оснований представляется въ немъ родственнымъ съ матеріаломъ другихъ родственныхъ языковъ, и такимъ образомъ составить обзоръ съ одной стороны того, что относится къ коренному языку (Sprachstamm), и съ другой—что составляетъ какъ бы приобрѣтеніе каждаго языка въ отдѣльности. Это сопоставленіе общаго всѣмъ языкамъ матеріала существенно разнится отъ исканія корней, такъ что при этомъ дѣлѣ часто совсѣмъ въ сторонѣ остается вопросъ о корнѣ двухъ родственныхъ словъ. Впрочемъ, если рядъ словъ приводитъ насъ къ корню, сходному съ дѣйствительно существующимъ въ родственныхъ языкахъ, то, естественно, не слѣдуетъ исключать сравненія корней. Сравненіе словъ предлагаетъ намъ гораздо болѣе разъясненій и разгадокъ, чѣмъ сравненіе корней. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчая, какъ много словъ, принадлежащихъ многимъ языкамъ, совершенно одинаково сложились и по звуку, и по отношенію къ понятію, мы этимъ самымъ проникаемъ въ этотъ отдаленный міръ духовной жизни, знакомимся съ общими народными воззрѣніями и представленіями, составляющими основу народной жизни. Стараясь примѣнительно къ Греческому языку сопоставить то, что въ родственныхъ языкахъ соответствуетъ греческимъ словамъ, мы прежде всего должны подумать о критеріумѣ для этого сопоставленія. Очевидно, впрочемъ, что общую принадлежность всѣхъ родственныхъ языковъ составляютъ тѣ слова, которыя соответствуютъ одно другому и по звуку и по значенію.

Прежде всего слѣдуетъ начинать съ звука, а звуковое сходство всюду служило первымъ мотивомъ для указанія родства словъ. Впрочемъ это сходство звука не слѣдуетъ понимать въ смыслъ частнаго, случайнаго созвучія. Въ жизни звука замѣчаются въ высшей степени прочныя законы, и они то составляютъ единственно прочную основу для разумной этимологической работы. По слѣ работы Як. Гримма первымъ вопросомъ всякаго разумнаго изслѣдованія въ области какаго бы то ни было от-

дѣльнаго языка долженъ быть слѣдующій: какъ относятся звуки этого языка къ звукамъ языковъ родственныхъ? Послѣ многихъ разслѣдованій, обращенныхъ именно на общую родовую принадлежность всѣхъ родственныхъ языковъ, удалось наконецъ выяснитъ то состояніе звуковъ, которое принадлежало индогерманскому праязыку до распаденія его на разнообразныя вѣтви. Курціусъ, большею частію согласно съ Шлейхеромъ, представляетъ въ слѣдующемъ видѣ звуки индогерманскаго праязыка:

А. Гласные: а, â, î, û, u, û.

В. Согласные

1. Нѣмые (explosiv—oder momentane Laute)

k	g	gh
t	d	dh
p	b	bh

2. Звучные (Fricativ—oder Dauerlaute)

h	j	Spirantes
u носовые r плавные s		
m l v		

Ня въ одномъ изъ Индоевропейскихъ языковъ не сохранились неизмѣнными эти первоначальные звуки, непосредственно предшествующіе раздѣленію языковъ. Между перемѣнами, замѣчаемыми въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ, слѣдуетъ различать два вида. Одинъ родъ звуковыхъ перемѣнъ проникаетъ весь строй языка, отчего происходитъ свойственный ему звуковой характеръ. Эти измѣненія можно назвать *правильными* или *непрерывными* (regelmässige oder durchgreifende). Въ германскихъ языкахъ для этого звуковаго явленія со времени Гримма употребляютъ весьма выразительное названіе Lautverschiebung, отложеніе звука; это же названіе можетъ быть приложено и къ Греческому языку; таковы переходы первоначальныхъ gh, dh, bh, въ Готск. въ g, d, b, и появленіе въ Греческомъ χ, θ, φ на мѣсто первоначальныхъ kh, th, ph. Впрочемъ это слово (Lautverschiebung) не подходитъ подо всѣ случаи существенныхъ измѣненій въ звуковой системѣ; встрѣчается такъ же распаденіе звука (Spaltung) и кромѣ того совершенная потеря нѣ-

которыхъ звуковъ. Отъ указанныхъ измѣненій слѣдуетъ отличать неправильныя или спорадическія звуковыя перемѣны; это—извѣстнаго рода затемнѣніе первоначальныхъ звуковыхъ отношеній, встрѣчающееся въ болѣе или менѣе ограниченномъ числѣ случаевъ, и по которымъ нельзя опредѣлять звуковаго характера языка напр. появленіе π на мѣсто первоначальнаго χ въ словѣ $\pi\omega\varsigma$.—Правильныя звуковыя перемѣны простираются на всѣ говоры языка хотя и не въ одинаковой степени; на спорадическихъ основывается собственно разнообразіе говоровъ. Различеніе этихъ двухъ главныхъ видовъ въ звуковыхъ перемѣнахъ имѣетъ для этимологіи величайшую важность. Часто впадали въ заблужденіе, допуская на основаніи немногихъ примѣровъ взаимный переходъ извѣстныхъ двухъ звуковъ; напр. на основаніи нѣсколькихъ случаевъ, когда греческ. π соотвѣтствуетъ древнему k , утверждали, что во всѣхъ случаяхъ на мѣсто k въ Греческомъ появляется π , или—еще болѣе смѣлое заключеніе,—что для каждаго p въ Греческомъ можно ожидать χ . Всякое научное изслѣдованіе основывается на различеніи правила отъ исключенія, и поэтому Курціусъ строго отдѣляетъ оба эти вида звуковыхъ перемѣнъ. Во второй книгѣ его сочиненія разсматриваются правильныя и постоянныя измѣненія индогерманскихъ звуковъ въ Греческомъ, получившія силу закона для этого языка. Въ третьей книгѣ онъ изслѣдываетъ исключенія и дѣлаетъ попытку ближе уяснить рядъ несущественныхъ звуковыхъ переходовъ. Само собою разумѣется, что онъ далекъ отъ мысли считать тотъ или другой переходъ звуковъ случайнымъ явленіемъ, а придерживается того убѣжденія, что естественныя законы проникаютъ не только весь языкъ, но и звуковую его сторону. Распознать основаніе ненормальности не всегда возможно; но черезъ сопоставленіе родственныхъ ненормальностей можно признать и въ нихъ извѣстный порядокъ и положительно установить ихъ объемъ. При такомъ именно способѣ изслѣдованія во всей очевидности, въ числахъ мы видимъ преимущество правила передъ исключеніемъ, а отсюда получается мѣра для всякихъ дальнѣйшихъ этимологическихъ комбинацій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СОДЕРЖАНІИ ПОЭЗІИ

А. В. КОЛЬЦОВА.

Рѣчь, произнесенная при открытіи памятника А. В. Кольцову въ Воронежѣ 1868 года 27 Октября.

Мм. Гг!

Немногіе счастливыцы получаютъ отъ природы даръ творчества, и получаютъ не въ равной степени. Есть художники—геніи, которыхъ отличительный признакъ геніальности состоитъ въ томъ, что они не подчиняются обстоятельствамъ, оказываютъ историческое вліяніе на эпоху, въ которую живутъ, и проявляютъ въ своихъ произведеніяхъ идеи, общія всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ. Такіе геніи рѣдки; творенія ихъ вѣчны, какъ природа, потому что создаются на основаніи такихъ-же непреложныхъ законовъ, какъ и законы природы; и есть художники, ознаменованные большею или меньшею только степенью творческаго таланта, которые также, какъ и геніи, живутъ собственною жизнію, творятъ свободно, а не подражательно; но отъ геніевъ отличаются объемомъ содержанія своихъ произведеній, которое у творческаго таланта бываетъ менѣе обще и болѣе частно. Но, во всякомъ случаѣ, будетъ-ли то геній, или творческій талантъ, если онъ дѣйствуетъ по призванію, есть всегда предметъ, достойный нашего вниманія.

Къ числу творческихъ талантовъ относится и А. В. Кольцовъ; талантъ его по преимуществу лирическій; онъ

поэтъ—лирикъ. Для успѣха въ поэзіи, теперь недоста-точно одного таланта, нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ теперь жить въ мечта-тельномъ мірѣ: онъ долженъ быть гражданиномъ совре-менной ему дѣйствительности. Прошло то время, еще такъ недавнее, когда мы, довольные всѣмъ, что окружало насъ, смотрѣли на поэта, какъ на художника, заклю-чившагося въ самомъ себѣ, и не требовали отъ него служенія обществу. Такъ понималъ призваніе поэта и А. С. Пушкинъ, сказавъ:

«Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битвы,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.»

Мы переживаемъ другое время, когда въ ходу со-мнѣнія о возможности безусловнаго совершенства въ чемъ бы то ни было, сочувствіе общечеловѣческимъ вопросамъ, горькій плачъ на недостатки и бѣдствія человѣческія, на неустроенность общества, на воззванія, проникнутыя лирическимъ пафосомъ, на доблестный подвигъ, на стрем-леніе къ вѣчному идеалу, къ истинѣ. Таковъ духъ вре-мени! Поэтому и поэтъ, какъ гражданинъ современной жизни, долженъ прежде всего быть проникнутъ этими же идеями. Первый, Лермонтовъ въ своихъ піесахъ сталъ выводить поэта на служеніе обществу. За нимъ Некра-совъ еще яснѣе высказался о назначеніи поэта въ слѣдую-щихъ стихахъ:

«А ты, поэтъ! избранникъ Неба,
Глашатай истинъ вѣковыхъ,
Не вѣрь, что неимущій хлѣба
Не стоитъ вѣщихъ струнъ твоихъ!
Не вѣрь, чтобъ вовсе пали люди...
Будь гражданинъ! Служа искусству,
Для блага ближняго живи,
Свой геній подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.»

Этимъ требованіемъ отъ поэта объясняется реальное направленіе въ поэзіи, діаметрально противоположное романтическому, господствовавшему у насъ до послѣдней четверти текущаго столѣтія, да и теперь еще не совсѣмъ умершему. Поэзія А. В. Кольцова—поэзія реальная. Чтобы пояснить это, рассмотримъ ея содержаніе.

Содержаніе поэзіи А. В. Кольцова выражается въ 3-хъ отдѣлахъ стихотвореній: къ первому принадлежатъ тѣ произведенія, въ которыхъ онъ является чистымъ лирикомъ и выражаетъ свою исполинскую личность, отличительная черта которой заключается въ стремленіи къ жизни, къ дѣятельности, соразмѣрной съ его огромными способностями, къ разнообразной и обильной пищѣ для души, переполненной черезъ край безконечно разнообразными и вопіющими потребностями, символами могучей жизненности. Ко второму отдѣлу относятся тѣ его произведенія, въ которыхъ онъ выполнилъ задачу гуманизированія русскаго крестьянскаго быта. Наконецъ, въ третій отдѣлъ входятъ «Думы,» особый оригинальный родъ стихотвореній, созданный имъ, въ которыхъ силился онъ выразить порыванія своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его пытливомъ умѣ. Обратимся сначала къ первому отдѣлу его произведеній, въ которыхъ онъ явился чистымъ лирикомъ.

Задача лирической поэзіи—въ пластическихъ словесныхъ образахъ и картинахъ выражать внутренній міръ духа человѣческаго, міръ ощущеній, чувствованій, желаній и помысловъ, возбуждаемыхъ въ душѣ мыслию о какомъ-нибудь предметѣ или самымъ предметомъ. Во всякомъ истинно-поэтическомъ лирическомъ произведеніи выражается искреннее, т. е. дѣйствительно испытанное поэтомъ, чувство. Чѣмъ искреннѣе поэтъ, тѣмъ болѣе обнаруживается талантъ его; эта искренность, чтобы быть занимательною, необходимо должна заключать въ себѣ много оригинальности и самобытности. Итакъ, повторяю, прелесть лирической поэзіи заключается въ искренности поэта. Повѣрьте это надъ поэтами всѣхъ странъ: оно вездѣ окажется вѣрнымъ. Если Байронъ

возбудилъ чѣмъ къ себѣ столько энтузіазма и участія, то, конечно, всего болѣе искренностію своихъ стихотвореній, ихъ внутреннею сердечною правдою. Успѣхъ Лермонтова вышелъ преимущественно изъ его мелкихъ, лирическихъ стихотвореній, запечатлѣнныхъ глубокою искренностію чувства. Но съ другой стороны, надобно замѣтить, что чувства у людей такъ между собою сходны, такъ однообразны, такъ легко поддаются вліяніямъ среды, въ которой живемъ, что пужно имѣть особенную, внутреннюю крѣпость, чтобы изъ этого однообразнаго теченія вынести свою особенную, внутреннюю, личную самостоятельность и не поддаться общей рутинѣ. Я сказала, что главная прелесть лирической поэзіи заключается въ искренности поэта. Но если эта искренность высказывается только ходячими чувствами и всѣмъ извѣстными и избитыми ощущеніями, то, разумѣется, она ни для кого не можетъ быть интересною. Отсюда, кажется, всего лучше объяснить равнодушіе публики къ сочинителямъ стиховъ и даже равнодушіе ея къ такимъ стихамъ, которые отличаются хорошою формою. Стихи привлекаютъ къ себѣ только самобытностію и искреннымъ выраженіемъ преобладающаго въ нихъ чувства, оригинальностію содержанія, какъ музыка самобытностію и оригинальностію своихъ мелодій. И ни въ какомъ другомъ искусствѣ рутина не возбуждаетъ къ себѣ столько пренебреженія, какъ въ поэзіи и музыкѣ, именно потому, что въ нихъ очень трудно скрыть ее.

Примѣняя все сказанное къ произведеніямъ А. В. Кольцова, нельзя не замѣтить, что всѣ его произведенія этого рода, по самостоятельности таланта, искренности, задумчивой прелести и оригинальности колорита и глубокому поэтическому чувству, даютъ ему право занять одно изъ первыхъ мѣстъ между современными поэтами. Дѣйствительно, ни у одного изъ пишущихъ теперь поэтовъ не заключается столько музыкальности въ ощущеніяхъ, и никто не выражаетъ такъ эту беззвучную музыкальность чувства, какъ А. В. Кольцовъ. Я разумѣю подъ этими словами то состояніе души, когда она,

вся погруженная въ свои внутреннія явленія, отдается имъ вполне, не разбирая ихъ значенія, не стараясь сосредоточить ихъ въ какую-либо опредѣленную мысль, — когда она передаетъ эти затаенныя движенія чувства въ томъ самомъ видѣ, какъ проходятъ они въ сердечной глубинѣ, во всей ихъ безыскусственности и искренности. Эта искренность, эта правда, соединенныя съ самымъ нѣжнымъ поэтическимъ чувствомъ, составляютъ одно изъ главныхъ достоинствъ произведеній А. В. Кольцова. Никогда не встрѣчается въ нихъ присочиненнаго выраженія или искусственнаго оборота; и при чтеніи ихъ такъ чувствуется, что ничего нѣтъ въ нихъ придуманнаго или выдуманнаго, что они не сочинены, а какъ будто вылились у него сами собою, какъ сложились въ глубинѣ сердечныхъ ощущеній. Къ числу произведеній, въ которыхъ выражалъ онъ ощущенія и мысли, имѣвшія непосредственное отношеніе къ его жизни, относятся: «Послѣдняя Борьба,» «Къ Милой,» «Примиреніе,» «Міръ Музыки,» «Вопль страданія,» «Не разливай волшебныхъ звуковъ» и др. Всѣ они, имѣя близкое отношеніе къ жизни и впечатлѣніямъ поэта, дышатъ простотою и искренностію чувства. Но цвѣтъ его поэзіи составляютъ тѣ стихотворенія, въ которыхъ онъ излагаетъ свое тихое и безотрадное горе любви, какъ, напримѣръ, слѣдующія: «Люди добрые, скажите,» «Ты не пой, соловей,» «Первая любовь,» «Не шуми ты, рожь,» Къ N и многія другія.

Беру для примѣра піесу — «Ты не пой, соловей.» Въ этой піесѣ вы не можете не замѣтить этой искренности, этой правды, соединенной съ самымъ нѣжнымъ поэтическимъ чувствомъ. Читая ее, вы не можете не прочувствовать всего такъ, какъ прочувствовалъ поэтъ; и это опять потому, что стихи піесни не сочинены, а какъ бы сами собой вылились у него, какъ сложились въ глубинѣ сердечныхъ ощущеній. И наконецъ, нельзя опять не замѣтить реальности самаго чувства, — это чувство не отрѣшенное отъ жизни, а вполне жизненное: повѣряя соловью свое горе любви, онъ проситъ его не пѣть подъ его окномъ, а улетѣть въ лѣса родины и по-

любить тамъ окно души-дѣвицы, прошебетать ей про его
оску, рассказать ей, что безъ нея сохнетъ, вянетъ онъ,

«Что трава на степи
Передъ осенью;»

«Что безъ нея ночью мѣсяцъ сумраченъ;
«Среди дня, безъ огня
Ходить солнышко.»

Этими послѣдними стихами не вѣрно-ли дѣйствительности изображено состояніе влюбленнаго человѣка, когда для него, погруженнаго въ себя, и мѣсяцъ сумраченъ ночью, и солнце безъ огня свѣтитъ днемъ? Самое чувство грусти вызвано не романтизмомъ, т. е. не вымышленными обстоятельствами, а дѣйствительностію: ему грустно, потому-что безъ нея не знаетъ онъ ласки; нѣтъ груди, на которой онъ могъ-бы отдохнуть, склоня голову; на чью бы рѣчь могъ улыбнуться; чья бы пѣсня была ему по сердцу. Такое чувство грусти въ высшей степени жизненно, и жизненно потому, что проявилось оно вслѣдствіе того, что такъ сложились обстоятельства въ жизни, а уничтожьте эти обстоятельства, вы тѣмъ самымъ уничтожите и чувство грусти. Не такъ груститъ поэтъ романтикъ; онъ самъ выдумываетъ обстоятельства, при которыхъ груститъ, и потому его чувство всегда безпредѣльно, безвыходно; горе его оригинально и непонятно обыкновеннымъ смертнымъ.

Возьмемъ другую піесу — «Измѣна Суженой.» Въ изображеніи этой измѣны мы найдемъ не менѣе того же реального характера и той же искренности. Въ началѣ піесы изображаетъ поэтъ мужественную скорбь добраго молодца вслѣдствіе измѣны суженой, и вотъ въ отчаяніи, подъ вліяніемъ этой скорби, идетъ молодецъ на могилу родителей; но на голосъ свой не получаетъ отвѣта; въ отчаяніи падаетъ онъ безъ памяти на траву, и только страшная буря въ глухую ночь поднимаетъ его на могилѣ, и за тѣмъ эта мужественная скорбь разрѣшается вотъ въ какое бѣшеное утѣшеніе:

«Въ ночь, подь бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился—
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться.»

Въ этихъ послѣднихъ стихахъ нельзя не замѣтить особенной силы выраженія и поразительнаго могущества образовъ, что вообще свойственно поэзіи А. В. Кольцова и по преимуществу тѣмъ произведеніямъ, гдѣ дѣло идетъ о горѣ и отчаяніи Русскаго человѣка.

Въ противоположность изображенію этой мужественной скорби возьмемъ піесу — «Разлука», мотивомъ которой послужило прожитое счастье, въ которой нельзя не удивляться тому, съ какою художественною и психологическою вѣрностію выражена сила нѣжной женской души, приговоренной къ безвыходному страданію. Вотъ оно:

«На зарѣ туманной юности,
Всей душой любилъ я милую:
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.
Что предъ ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-травы—парча шелковая,
Зари-вечеръ—ночь волшебница!
Хороши вы—когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ—хоть бы не было:
Съ ней зима—весна, ночь—ясный день!
Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ
Я сказалъ ей: «Прости, милая!
Такъ, зная, Богъ велѣлъ—разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся!»
Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося,
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.
«Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задуть грусть, печаль выплакать;

На тебя, на ясна сокола!...»

— Занялся духъ—слово замерло.»

Словомъ сказать, каждое изъ произведеній этого отдѣла носитъ на себѣ отпечатокъ этой жизненности и этой искренности.

Теперь коснемся содержанія поэзіи А. В. Кольцова съ той стороны, на сколько онъ выполнилъ задачу гуманизированія русскаго крестьянскаго быта, на который онъ, какъ истинный художникъ, смотрѣлъ со стороны его человѣческаго характера, никогда въ то же время не погрѣшая противъ дѣйствительности. Сюда относятся тѣ произведенія А. В. Кольцова, въ которыхъ онъ воспѣваетъ физическій трудъ, любовь къ полезной работѣ, деньги, выручаемыя потомъ и терпѣніемъ, въ которыхъ высказываетъ свою преданность земледѣльческому промыслу, сочувствуетъ пахарю и его тяжкимъ нуждамъ, радуется съ нимъ вмѣстѣ его прозаической радости при видѣ урожая и проч. Въ произведеніяхъ этого рода А. В. Кольцовъ является тѣмъ же поэтомъ-реалистомъ. Читая произведенія этого рода, невольно чувствуешь въ самомъ себѣ приливъ новыхъ силъ, проникаешься какимъ-то жизненнымъ началомъ, которое хочется назвать матеріально, осязательно: до того оно сильно и дѣйствительно! Чтобы онъ ни выражалъ—тоску-ли, радость-ли, страсть,—во всемъ видишь гигантскую силу и неуклонную правильность жизненныхъ отправленій. Все у него понятно и законно, а потому и противоположно романтизму. Поэтъ-романтикъ счелъ бы для себя низкимъ стать жаловаться, на примѣръ, на то, что нѣтъ у него ни кола, ни двора, потому что у поэта, по его понятію, все должно быть особенное, не человѣческое; слѣдовательно, и горе поэта также должно быть чѣмъ-нибудь совершенно оригинальнымъ и непонятымъ простымъ смертнымъ. Чѣмъ же объяснить эту жизненность въ содержаніи поэзіи А. В. Кольцова? Во 1-хъ самымъ талантомъ А. В. Кольцова, который, по словамъ Бѣлинскаго, родился для поэзіи, которую создалъ; во 2-хъ тѣмъ, что въ произведеніяхъ своихъ изображаетъ онъ

дѣйствительную жизнь; а гдѣ жизнь, тамъ и поэзія, и предметомъ своихъ произведеній избираетъ, по преимуществу, жизнь простолюдиновъ, зная, что и у простолюдина есть душа, сердце, есть желанія и страсти, есть любовь и ненависть, словомъ—есть жизнь; въ 3-хъ глубокимъ изученіемъ и знаніемъ того быта, который изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ. По словамъ Бѣлинскаго, «онъ былъ сыномъ народа, въ полномъ значеніи этого слова. Бытъ, среди котораго онъ воспитался и выросъ, былъ тотъ же крестьянскій бытъ, хотя нѣсколько и выше его. А. В. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не мечтою, не воображеніемъ, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, какъ зародышъ, живетъ въ натурѣ русскаго селянина. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни,—зналъ не по наслышкѣ, не изъ книгъ, не черезъ изученіе, а потому, что самъ, и по своей натурѣ, и по своему положенію, былъ вполнѣ Русскій человѣкъ. Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности—страшную силу въ страданіи и въ наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали, и веселію, и, вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самаго отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если уже пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, чего не нужно было ему въ его лучшіе дни.» За этимъ обратимся къ частностямъ. Возьмемъ, напримѣръ, его стихотвореніе «Косарь,» въ которомъ прекрасно развита любимая мысль А. В. Кольцова, мысль о силѣ труда, основаннаго на любви и семейномъ счастьи. Въ началѣ нѣсни поэтъ рисуетъ намъ здоровую красоту молодца:

«У меня ль плечо

Шире дѣдова;

Грудь высокая—
 Моей матушки.
 На лицѣ моемъ
 Кровь отцовская,
 Въ молокъ загла,
 Зорю красную.
 Кудри черныя
 Лежать скобкою;
 Что работаю—
 Все мнѣ спорится.»

За тѣмъ, вотъ какими чертами рисуетъ портретъ
 красавицы, который можетъ привести въ негодование
 поэта-романтика, не признающаго другихъ женщинъ,
 кромѣ блѣдныхъ, изнуренныхъ больными грезами:

Я по ней крушусь:
 Лицо блѣлое—
 Заря алая,
 Щеки полныя,
 Глаза темныя,
 Свели молодца
 Съ ума-разума.»

При такой красотѣ, выражающей силу, должно
 ожидать сильнаго чувства; и дѣйствительно, это чувство
 сильно, чего нельзя не замѣтить въ дальнѣйшемъ разви-
 тии піесы. Но вотъ эта сила чувства сдерживается: ста-
 роста отказываетъ косарю въ рукѣ своей дочери, и до-
 брый молодецъ, утѣшая милую, говоритъ:

«Не плачь, Грунюшка,
 Косой вострою
 Не порѣжусь я...»

И затѣмъ отправляется на Донъ, въ степь раз-
 дольную, гулять по травѣ степной, самъ-другъ съ косой
 вострою. И вотъ это изображеніе раздолья степи, въ
 которомъ видится—этотъ просторъ, эта ширь и даль
 степи:

«Степь раздольная
 Далеко вокругъ,
 Широко лежитъ,
 Ковылемъ-травой
 Разстилается!...
 Ахъ ты, степь моя,
 Степь привольная,
 Широко ты, степь,
 Пораскинулась,
 Къ Морю-Черному
 Понадвинулась!
 Въ гости я къ тебѣ
 Не одинъ пришелъ:
 Я пришелъ самъ-другъ
 Съ косою вострою;
 Мнѣ давно гулять
 По травѣ степной
 Вдоль и поперекъ
 Съ ней хотѣлося.»

Вотъ чувство истинной любви, любви не отрѣшенной отъ жизни, любви не приторной и сладкой, выражающейся во вздохахъ и сентиментальничаньи и въ непонятныхъ мечтахъ, посылаемыхъ «къ ней», но чувство глубокое, сильное, мощное, то чувство любви, которая, раздражаясь неудачею, не приводитъ человѣка ни къ отчаянію, ни къ самоубійству, ни къ убійству отца возлюбленной, не соглашающагося на бракъ ея, какъ это бываетъ въ произведеніяхъ поэтовъ-романтиковъ, а остается вѣрна самой себѣ, пробуждаетъ въ человѣкѣ новыя силы и могущественно устремляетъ его къ цѣли; и такимъ образомъ, вмѣсто безплоднаго расточенія силъ, напримѣръ, въ блужденіи по лѣсамъ, мы встрѣчаемъ безконечную удалъ въ новомъ союзѣ съ сельскимъ трудомъ, свободнымъ и горячимъ, какъ горяча любовь добраго молодца:

«Раззудись, плечо!
 Размахнись, рука!

Ты пахни въ лицо,
 Вѣтеръ съ полудня!
 Освѣжи, взволнуй
 Степь просторную!
 Зажужжи, коса,
 Засверкай кругомъ!
 Зашуми, трава,
 Подкошбная;
 Поклонись, цвѣты,
 Головой землѣ!
 На ряду съ травой
 Вы засохните,
 Какъ по Грунѣ я
 Сохну, молодецъ!
 Нагребу копень,
 Намечу стоговъ—
 Дастъ казачка мнѣ
 Денегъ пригорини.
 Я зашью казну,
 Сберегу казну;
 Ворочусь въ село—
 Прямо къ старостѣ:
 Не разжалобилъ
 Его бѣдностью,—
 Такъ разжалоблю
 Золотой казной!

Вотъ истинная страсть, съ которою пріятно встрѣ-
 тить человѣка, въ какомъ бы то ни было быту: эту
 страсть можно назвать дѣйствительною силою. Конечно,
 поэтъ-романтикъ назоветъ цинизмомъ такую любовь; но
 мы не можемъ не сочувствовать А. В. Кольцову въ
 этомъ мотивѣ, не можемъ не получить особеннаго на-
 слажденія въ самомъ взглядѣ его на любовь и въ спо-
 собѣ выражать ее. И потому въ Косарѣ, который идетъ
 копить казну, чтобы достигнуть своей цѣли, гораздо
 больше геройства и человѣчности, чѣмъ во всѣхъ из-
 ступленныхъ любовникахъ, изображаемыхъ поэтами-ро-
 мантиками. —

Беру другую піесу—«Что ты спишь, мужичокъ!» Сколько сочувствія къ крестьянскому быту выражается въ этой піесѣ! Это воззваніе страстнаго политико-экономъ, облеченное въ форму искусства! Хотя изъ стихотворенія не узнаемъ мы причинъ нищеты, въ которую впалъ мужичокъ, но мы понимаемъ ихъ. Намъ извѣстно, что главное занятіе Русскаго народа—земледѣліе, и потому хлѣбъ и урожай—предметъ мечты крестьянина, къ нему несутся всѣ заветныя его думы. Хлѣбъ въ глазахъ его—даръ Божій, благодать. Неурожай—самое ужасное несчастье для крестьянина; потому лѣность въ крестьянскомъ дѣлѣ явленіе невозможное; лѣность немислима, когда идетъ дѣло о хлѣбѣ, урожаѣ, пашнѣ, посѣвѣ, кровныхъ интересахъ Русскаго народа. Мужичокъ нехозяинъ—личность безотрадная,—мало того, личность оскорбительная для народа-пахаря. Въ глазахъ народа мужикъ-нехозяинъ—ренегатъ, измѣнникъ кореннымъ убѣжденіямъ русскаго ума, древнимъ началамъ русскаго быта. Принявъ все это въ соображеніе, намъ становится понятнымъ, почему беззаботность въ крестьянскомъ дѣлѣ, лѣнливый мужикъ и вызвали изъ души поэта такой жалобный укоръ, такую сжимающую сердце пѣсню: «Что ты спишь, мужичокъ?» и послушайте, какую безотрадною тоскою звучитъ она!

«Что ты спишь, мужичокъ?

Вѣдь весна на дворѣ;

Вѣдь сосѣди твои

Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,

На себя погляди:

Что ты былъ? и что сталъ?

И что есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа,

Въ закромахъ—ни зерна;

На дворѣ, по травѣ—

Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтѣй домовой

Соръ метлою посмелъ,

И лошадохъ, за долгъ,
 По сосѣдямъ развелъ.
 И подъ лавкой сундукъ
 Опрокинуть лежить;
 И, погнувшись, изба,
 Какъ старушка, стоитъ.»

И далѣе, въ какихъ сильныхъ выраженіяхъ упрекаетъ онъ лѣнивца за то, что онъ оставилъ на полосѣ хлѣбъ несжатымъ, который гибнетъ отъ лѣни и нерадѣнія:

А въ поляхъ, сиротой,
 Хлѣбъ нескошенъ стоитъ;
 Вѣтеръ точитъ зерно,
 Птица клюетъ его.»

Достаточно уже этихъ двухъ піесъ, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько А. В. Кольцовъ преданъ земледѣльческому промыслу; но прочтите еще, напримѣръ, «Пѣсню Пахаря», въ которой выражаетъ онъ полное сочувствіе пахарю, заботливо относится къ его тяжкимъ трудамъ и нуждамъ, радуясь вмѣстѣ съ нимъ при видѣ урожая, слѣдуя за нимъ на пашню. Читая эту піесу, нельзя не замѣтить также и того, что поэтъ понялъ, и понялъ глубоко отношенія поселенина къ природѣ, и потому понятно, почему онъ могъ изобразить ту благодарность, съ какою нашъ пахарь смотритъ и на землю, его кормилицу, и на сивку, участвующую въ его благосостояніи. Вотъ эта прекрасная пѣсня:

«Ну, тащися, сивка!
 Пашней, десятиной,
 Выбѣлимъ желѣзо
 О сырую землю
 Красавица-зорька
 Въ небѣ загорѣлась,
 Изъ большаго лѣса
 Солнышко выходитъ.»

Весело на пашнѣ!
 Ну! тащися, сивка!

Я самъ-другъ съ тобою, и
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю....
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ,
Колыбель святую.

Его вспоить, вскормить
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колось,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ напѣсерпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю до-сыта,

Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!»

Благодатно и животворно дѣйствуетъ на душу эта тихая пѣсня; она заставляетъ полюбить поэта, творца ея, и всю эту толпу тружениковъ, о которыхъ въ ней говорится. Но чтобы сочувствовать такимъ стихамъ, чтобы проникнуться ихъ основной идеей, чтобы понимать сладость труда, исполняемаго съ любовью, нѣжность человѣка къ животному, раздѣляющему съ нимъ тягость работы, равнодушіе его даже къ механическимъ орудіямъ промысла, и наконецъ, вдохновительность мысли о плодахъ труда, о какихъ-нибудь снопахъ тяжелыхъ,— для всего этого нужно быть самому человѣкомъ трудящимся съ любовью, съ терпѣніемъ и безъ презрѣнія относиться къ заработку.—Мы не будемъ болѣе приводить примѣровъ, потому что матеріаломъ большей части стихотвореній А. В. Кольцова послужилъ русскій крестьянскій бытъ, который онъ постигъ глубоко, до мельчайшихъ подробностей, и въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ выразилъ симпатію къ его инстинктамъ и стремленіямъ. Прочтите—«Крестьянская пирушка», «Уражай», «Молодая жница», «Раздумье селянина», «Горькая доля» и т. п. и вы вполне убѣдитесь въ этомъ.

Вотъ и все, что казалось намъ необходимымъ сказать о содержаніи этого рода художественныхъ произведеній А. В. Кольцова для того, чтобы имѣть право признать изящество содержанія той части поэзіи его, которая имѣетъ предметомъ своимъ русскій крестьянскій бытъ.

Въ заключеніе коснемся «Думъ», составляющихъ 3-й отдѣлъ стихотвореній А. В. Кольцова, и заключающихъ въ себѣ иное содержаніе, чѣмъ первые два отдѣла. Думы А. В. Кольцова ниже пѣсенъ, и очень понятно: въ пѣ-

сняхъ онъ имѣлъ почву народности, быта крестьянскаго, откуда черпалъ матеріалъ для поэзіи, въ «Думахъ» же этой почвы онъ не имѣлъ, будучи вовсе незнакомъ съ наукою, при помощи которой только и можно было-бы дать отвѣты на тѣ вопросы, какіе рождались въ его пытливомъ умѣ. Каждая дума А. В. Кольцова естественнымъ образомъ распадается на двѣ части,—первую, заключающую въ себѣ вопросъ, и вторую—отвѣтъ. Первая часть, будучи проникнута глубокою мыслию, почти всегда прекрасна, и поэзія этой части доходить иногда до высокаго, а вторая—неудовлетворительна, потому-что А. В. Кольцовъ, будучи незнакомъ съ наукою, не могъ, на вопросы, возникавшіе въ его пытливомъ умѣ, дать отвѣты, согласные съ тѣмъ, какъ рѣшало ихъ человѣчество, и до чего дошло оно въ вѣчномъ процессѣ своей дѣятельной мысли; и потому нисколько неудивительно, если онъ иногда во 2-й части думы допускаетъ или реторическую фразу, или ироническую выходку противъ безсилія человѣческаго ума, какъ напримѣръ, въ думѣ—«Неразгаданная Истина:»

«Подсѣку-жь я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Проклянѣ усилю
Къ тайнамъ Провидѣнья!
Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу;
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.»

А. В. Кольцовъ чувствовалъ свою въ этомъ неудовлетворительность, понималъ всю важность науки и постоянно стремился къ ея изученію, но обстоятельства жизни въ этомъ были ему помѣхою. Прочтите его біографію, и вы увидите, что болѣе всего любилъ онъ искусство и науку; но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ не имѣлъ средствъ ознакомиться такъ, какъ хотѣлъ и какъ необходимо ознакомиться для того, чтобы они питали душу. Всю жизнь мечталъ онъ о томъ, чтобы попасть въ кругъ людей мыслящихъ, но попадалъ въ него не на долго,

только для того, чтобы возвращаться къ людямъ, никогда его не понимавшимъ.

Отвѣты въ «Думахъ» А. В. Кольцова были бы ниже всякой критики, еслибы были сдѣланы человѣкомъ, просвѣщеннымъ наукою; но какъ отвѣты человѣка съ высшею натурою, обдѣленного образованіемъ, они заслуживаютъ полного нашего вниманія, во-первыхъ потому, что ясно доказываютъ намъ, что А. В. Кольцовъ не могъ жить съ неразрѣшенными вопросами, отъ которыхъ изнывалъ и таялъ, и что лучше желалъ самъ себя обмануть, чѣмъ продолжать оставаться въ этомъ мучительномъ состояніи невѣдѣнія; во-вторыхъ потому, что доказываютъ исполнскую силу потребностей и силъ, данныхъ ему природой.

Думы, поэзія которыхъ доходитъ до высокаго поэтической постановкѣ вопроса, слѣдующія: «Молитва,» «Вопросъ,» «Великая Тайна,» «Неразгаданная Истина,» «Царство мысли» и др. Прочтите, на примѣръ, думу—это прекрасное стихотвореніе—«Вопросъ,» и вы не можете не замѣтить въ постановкѣ самыхъ вопросовъ той поэзіи, которая доходитъ до высокаго. Но вопросы остаются вопросами, потому—что рѣшеніе ихъ выше силъ человѣческихъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сказать умъ человѣческій въ отвѣтъ на такіе вопросы:

Замогилой онъ живъ ли?

Речь безмолвна;

Вѣчной тьмою

Даль одѣта...

Буду-ль жить я

Въ безднѣ моря?

Буду-ль жить я

Въ дальнемъ небѣ?

Буду-ль помнить:

Гдѣ былъ прежде?

Что я думалъ

Человѣкомъ?

Иль за гробомъ

Все забуду,

Смысль и память
 Потеряю?...
 Что жь со мною
 Тогда будетъ,
 Творецъ міра,
 Царь природы?...

Главное направленіе «Думъ» А. В. Кольцова—мистицизмъ, отчаянное иногда отрицаніе разума, что особенно замѣтно въ той же думѣ—«Вопросъ», гдѣ онъ говоритъ:

«Въ моемъ толкѣ
 Смыслу нѣту,
 Чтобъ провидѣть
 Дѣла Божьи.»

Но можно-ли допустить, чтобы мистицизмъ А. В. Кольцова былъ выраженіемъ его искреннихъ убѣжденій? Можно-ли допустить, чтобы человѣкъ, переполненный любовью къ жизни до такой степени силы и фанатизма, какъ А. В. Кольцовъ,—былъ мистикомъ въ душѣ, чтобы онъ отрекся отъ разума, отъ того, что даетъ жизни смыслъ и значеніе? Нѣтъ, допустить этотъ фактъ тоже—что признать непосредственное происхожденіе безсилія отъ силы. Но, кромѣ этого апріорическаго соображенія, мы имѣемъ фактическое доказательство того, что А. В. Кольцовъ прибѣгалъ къ мистицизму, какъ человѣкъ измученный внѣшнею невозможностію рѣшить сокрушавшіе его вопросы обыкновеннымъ путемъ логики. Доказательство это заключается въ думѣ—«Не время-ль намъ оставить», въ которой, по словамъ Бѣлинскаго, видѣнъ рѣшительный выходъ изъ тумановъ мистицизма и крутой поворотъ къ простымъ созерцаніямъ здраваго разсудка. Вотъ это стихотвореніе:

Не время-ль намъ оставить
 Про высоты мечтать,
 Земную жизнь безславить,
 Что есть—иль нѣтъ—желать?
 Легко, конечно, строить
 Воздушные міры,
 И увѣрять, и спорить:
 Какъ въ нихъ-то важны мы!

Но, отъ души-ль, порою,
 Въ насъ чувство говоритъ,
 Что жизнью землею—
 Нѣтъ нужды дорожить?..
 Темна, страшна могила;
 За далью—мракъ густой;
 Ни вѣсти, ни отзыва
 На вопль нашъ роковой!
 А тутъ дары земные,
 Дыханіе цвѣтовъ,
 Дни, ночи золотыя,
 Разгульный шумъ лѣсовъ,
 И сердца жизнь живая,
 И чувства огнь святой,
 И дѣва молодая
 Елистаеть красотою!

Появленіе думы съ такимъ содержаніемъ, хотя и за годъ только до смерти поэта, служитъ яснымъ доказательствомъ, что природный умъ А. В. Кольцова, а главное—его жизненность, не дали ему закоснѣть въ такомъ направленіи, въ которомъ погибали цѣлыя поколѣнія образованнѣйшихъ людей и въ которомъ до сихъ поръ еще гибнутъ, если не поколѣнія, то по крайней-мѣрѣ индивидуумы, просвѣщенные всякими науками.

Итакъ, «Думы» А. В. Кольцова, не заключая въ себѣ безусловныхъ достоинствъ, кромѣ того, что написаны чисто-Русскимъ, народнымъ языкомъ, важны для насъ еще и потому, что ясно показываютъ, что А. В. Кольцовъ представилъ намъ собою примѣръ, на сколько простолудинъ въ лицѣ его могъ возвыситься надъ сословіемъ своимъ, чтобы увидѣть другую высшую сферу жизни, но не овладѣть ею. За тѣмъ, позволяю себѣ закончить мою бесѣду съ вами, Мм. Гг., слѣдующею мыслию: счастлива та страна, у которой есть такіе народные поэты, и счастливъ поэтъ, живущій въ той странѣ, гдѣ граждане чтутъ своихъ литературныхъ дѣтелей наравнѣ съ своими великими людьми!

Николай Рощупкинъ.

ЛИНГВИСТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» (№ 5 1868 г.) помѣщена весьма любопытная статья, представляющая подробный перечень и описаніе трудовъ почтеннаго и скромнаго труженика науки, бывшаго православнаго нашего миссіонера, проповѣдника, просвѣтителя и распространителя христіанской вѣры на Алеутскихъ островахъ, на сѣверо-западномъ берегу Америки и др. о. Іоанна Веніамінова, нынѣ Московскаго Митрополита Иннокентія. Ученые труды о. Веніамінова занимаютъ самое видное и почетное мѣсто въ ряду лингвистическихъ, филологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Обширная просвѣтительная дѣятельность его по истинѣ изумительна: неутомимо проповѣдуя Евангельское слово чуждымъ народамъ, о. Веніаміновъ вмѣстѣ припужденъ былъ знакомиться и съ языкомъ этихъ народовъ и изучать ихъ нравы и обычаи, и дѣятельность эта оказалась вполне плодотворною: церковь приобрѣла въ немъ новаго апостола, добрая сѣмена ученія котораго возрасли сторицею, наука приобрѣла въ немъ изслѣдователя, который первый познакомилъ насъ научнымъ образомъ съ языками разныхъ народовъ, занимающихъ окраины Сибири и сѣверной Америки.

Мы не можемъ себѣ отказать, чтобы не выписать нѣсколько строкъ о почтенныхъ и любопытныхъ ученыхъ трудахъ о. Веніамінова, чтобы хоть какое-нибудь составить себѣ понятіе о языкахъ Алеутскихъ и сѣверо-а-

риканскихъ. Вотъ что говорится въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ».

Нынѣшній Митрополитъ Московскій, высокопреосвященнѣйшій Иппокентій, прежде бывшій отецъ Іоаннъ Веніаминовъ, первый познакомилъ науку съ новыми, долѣ совершенно неизвѣстными въ лингвистикѣ языками, первый грамматически осмотрѣлъ и изучилъ ихъ.

Были и существуютъ у насъ замѣчательные оріенталисты, каковъ Каземъ-Бекъ, знатоки языковъ Чувашскаго (покойный Сбоевъ и отецъ Вишневскій), Якутскаго (протоіерей Хитровъ, нынѣ преосвященный Димитрій), Армянскаго Бероевъ), Грузинскаго (тифлисскій протоіерей Романовъ, Чубиновъ), Осетинскаго (покойный академикъ Шегренъ) и даже Исландскаго (покойный протоіерей Сабининъ); но изученіе языковъ, наиболѣ трудныхъ и наименѣе распространенныхъ все-таки у насъ слишкомъ ограничено.

Въ этомъ отношеніи даже прибалтійскіе Нѣмцы далеко насъ опередили. Финскій, Латышскій, Литовскій языки могутъ быть причислены къ числу самыхъ обработанныхъ. Эстонскій языкъ имѣетъ даже богатую литературу; существуютъ каѳедры въ Дерптскомъ университетѣ языковъ Эстонскаго и Латышскаго, а въ Гельсингфорскомъ не только существуетъ каѳедра Финскаго языка (профессоръ Альквистъ), но знаменитый шведскій поэтъ Топеліусъ читаетъ отдѣльно финскую исторію и литературу. Но ни Тунгусскій, ни Остяцкій, ни Вогулицкій, ни Самоѣдскій языки не имѣютъ вовсе грамматической литературы.

Тоже было и относительно языковъ нашей Америки до отца Веніамипова, и неизмѣримая заслуга Московскаго Митрополита именно въ томъ и состоитъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на изобиліе языковъ въ нашихъ Американскихъ владѣніяхъ, изложилъ ихъ грамматику, и напечаталъ (на издѣніе Академіи Наукъ) очень удачный

«Опытъ грамматики Алеутско-Лисьевскаго языка» (С.-Петербургъ 1846 г.) и полныя дѣльныхъ свѣдѣній «Замѣчанія о Колошскомъ, Кадыаскомъ языкахъ и отчасти о прочихъ російско-американскихъ владѣній съ присовокупленіемъ Россійско-Колошскаго словаря». Это былъ первый лингвистическій трудъ по отдѣлу сѣверо-американскихъ языковъ, которыхъ существуетъ множество и которые вообще очень не обработаны.

Преосвященный Иннокентій такимъ образомъ есть единственный ученый, занявшійся теоріею этихъ языковъ, и единственно малоизвѣстность русской литературы въ Европѣ помѣшала прославиться его имени внѣ предѣловъ Россіи.

Методъ, которому слѣдовалъ преосв. Иннокентій въ своихъ сочиненіяхъ былъ строго-научный. Съ свойственной астинно-образованнымъ людямъ скромностью вотъ что онъ пишетъ о составленіи грамматики Алеутской: «Составить грамматику такого языка, каковъ Алеутско-Лисьевскій, говоритъ онъ, я считалъ почти бесполезнымъ трудомъ, потому что она не нужна для Алеутовъ, которые и безъ грамматики могутъ сообщать другъ-другу свои мысли и которые навѣрное не въ долгомъ времени совсѣмъ оставятъ языкъ свой, ни для иностранцевъ. Но видя, съ какимъ рвеніемъ, съ какой неутомимостью многіе ученые стараются собирать всякаго рода свѣдѣнія, и какъ для нихъ любопытна даже малѣйшая въ такомъ родѣ находка, я рѣшился составить если не полную грамматику, то по крайней мѣрѣ изложить нѣсколько правилъ грамматики Алеутскаго языка въ томъ предположеніи, что они будутъ пригодны кому-нибудь для нѣкотораго соображенія о происхожденіи сего языка и для историческихъ догадокъ». Итакъ отецъ Веніаминовъ держался совершенно научной цѣли, и дѣйствительно въ своихъ соображеніяхъ даетъ мѣсто чисто-научнымъ предположеніямъ. «Не можетъ быть, пишетъ онъ далѣе, чтобы Алеутскій языкъ или нынѣ, или когда-нибудь не имѣлъ сроднаго се-

бѣ языка и такого, который бы не былъ съ нимъ сходенъ въ названіяхъ, или по крайней мѣрѣ не показывалъ слѣдовъ его происхожденія, но до сихъ поръ еще неизвѣстно навѣрное, отъ какого древняго языка происходит сей языкъ, совершенно отличный отъ живущихъ подлѣ народовъ. Но этого нельзя рѣшить по недостатку и, даже можно сказать, за неимѣніемъ свѣдѣній объ Алеутскомъ языкѣ. Всѣ наши свѣдѣнія объ немъ ограничиваются только краткими словарями». Съ появленіемъ же отца Веніамина въ Америкѣ въ качествѣ миссіонера, русская литература получила алеутскій букварь съ полнымъ переводомъ важнѣйшихъ молитвъ. Неустомимый миссіонеръ написалъ даже поученіе на Алеутскомъ языкѣ, напечатанное въ Московской Синодальной типографіи въ 1840 году.

Грамматика, составленная о. Веніаминовымъ, даетъ уже понятіе о самомъ богатствѣ и самой конструкціи, языка. Къ ней приложенъ переводъ алеутскихъ пѣсень сдѣланный ситхинскимъ толмачемъ Семеномъ Паньковымъ и дающій понятіе о скудной поэзіи этихъ дикарей. Книжка о. Веніамина: *«Замѣчанія о Колошскомъ и Кадьякскомъ языкахъ, отчасти и о прочихъ російско-американскихъ»*, сообщаетъ кромѣ того вообще важныя свѣдѣнія о сѣверо-западной Америкѣ. «Сѣверо-западная часть Америки, пишетъ онъ между прочимъ, чрезвычайно замѣчательна по многообразію языковъ, употребляемыхъ туземцами. Почти на каждомъ шагу вы встрѣчаете людей, которые говорятъ или собственнымъ языкомъ или своимъ нарѣчіемъ. Особенно это видно между Калифорнскими индійцами: такъ наприм. Индійцы Большой Бодеги не понимаютъ Индійцевъ живущихъ нѣсколько далѣе внутри материка, противъ Росса, а живущіе сѣвернѣе Росса, не понимаютъ ни тѣхъ ни другихъ; и все это на пространствѣ не болѣе 900 верстъ!» Обращая вниманіе на такое разноязычіе и многоязычіе, авторъ задается слѣдующими вопросами: 1) Отчего въ Америкѣ особенно много языковъ? 2) Точно ли всѣ языки,

которыми говорят туземцы сѣверо-западной Америки, и которые намъ кажутся разными, суть языки различные между собою совершенно, или только нарѣчія двухъ, или по крайней мѣрѣ немногихъ языковъ? 3) Ежели они различны, то какого корня или происхожденія и проч? А ежели только нарѣчія двухъ или нѣсколькихъ языковъ, то почему они такъ раздробились? 4) Каждый народъ или, сказать правильнѣе, народецъ, говорящій своимъ языкомъ, не понятнымъ его сосѣдямъ и прочимъ народамъ, составляетъ ли народъ отдѣльный, своего происхожденія, или всѣ они суть одинъ и тотъ же народъ и только обстоятельствами разбитый на части? 5) Ежели каждый изъ нихъ составляетъ отдѣльный народъ, то откуда они пришли и почему, живя въ такомъ сосѣдствѣ между собою, не смѣшались до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ малочислѣннѣйшіе изъ нихъ? Если же всѣ они суть одинъ и тотъ же народъ, или двухъ, трехъ происхожденій, то отчего у нихъ такое различіе въ языкахъ или, по крайней мѣрѣ, въ нарѣчіяхъ? Таковыхъ и подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать нѣсколько еще; но отвѣчать на нихъ, или на нѣкоторые изъ нихъ, рѣшительно можно только тогда, когда сѣверо-американскіе языки будутъ извѣстны всѣ надлежащимъ образомъ. Здѣсь можно замѣтить только то, что такое многообразие языковъ сѣверо-американскихъ народовъ можетъ быть доказательствомъ того, что они всегда были независимы, по крайней мѣрѣ, другъ отъ друга, и что это нельзя считать слѣдствіемъ того, что они, находясь въ дикомъ состояніи и не имѣя нужды другъ въ другѣ, живутъ отдѣльно и не имѣютъ между собою сообщеній, потому что на противъ того многообразие языковъ скорѣе можетъ быть причиною, а не слѣдствіемъ раздѣленности народовъ.»

Отецъ Веніаминъ даетъ еще филологическую классификацію американскихъ языковъ. «Всѣ наши американскіе языки, пишетъ онъ далѣе, по образованію своему раздѣляются на два главные вида, одинъ отъ другаго совершенно различны, а именно: Уналашкинскій и

Кадыякскій. Отличительныя ихъ свойства состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ языкахъ перваго образованія три числа: единственное, двойственное и множественное; а въ языкахъ втораго образованія обыкновенно два числа: един. и множ. 2) Падежи въ первыхъ языкахъ раздѣляются на неопредѣленные и притяжательныя, и потому всѣхъ падежей или окончаній болѣе 36, а въ послѣднихъ не болѣе трехъ падежей, или окончаній. Глаголы по числамъ и лицамъ въ первыхъ измѣняются обыкновенно на концѣ, а въ послѣднихъ въ срединѣ или въ началѣ слова. 4) Въ языкахъ перваго образованія предлоги и нарѣчія имѣютъ числа, и потому суть части рѣчи измѣняемыя, а въ послѣднихъ языкахъ того совсѣмъ нѣтъ. Общее же въ нашихъ американскихъ языкахъ есть то, что всѣ они не имѣютъ различія въ родахъ, но у всѣхъ одинъ родъ общій.» Такова научная система, подъ которую подвелъ эти языки о. Веніаминовъ.

Языки авторомъ вообще разсматриваются совершенно согласно съ новѣйшими воззрѣніями филологической науки. Такъ, напримѣръ, вотъ что онъ говоритъ о Кадыякскомъ языкѣ: «Выше сказано, что Кадыякскій языкъ имѣетъ (почти) совершенно одинаковое образованіе съ Уналашкинскимъ языкомъ, такъ что матеріалы ихъ какъ бы отлиты совершенно въ однѣ и тѣже формы, но только съ измѣненіемъ самыхъ конечностей формъ. Но матеріалы того и другаго языка, т. е. слова ихъ совершенно различны, и до такой степени, что кажется, не найдется и десяти словъ, сходныхъ и однозначашихъ. Слова «адакъ», отецъ и «тонгакъ», вода едва ли не единственныя слова въ обоихъ языкахъ однозначашія. И потому я здѣсь, въ изложеніи замѣчаній моихъ о Кадыякскомъ языкѣ, гдѣ можно и нужно, буду сравнивать одинъ языкъ съ другимъ, показывая различіе и сходство ихъ.»

Трудами о. Веніаминова приведено въ извѣстность и общее число языковъ и нарѣчій въ нашихъ бывшихъ владѣніяхъ. Именно всѣхъ языковъ шесть: 1) Уналаш-

кинскій языкъ (языкъ Алеутскихъ острововъ и Аляксы). Онъ раздѣляется на уналашкинское и атхитское нарѣчія. Последнимъ говорятъ на Андреяновскихъ островахъ. На Лисѣихъ употребляютъ Алеутскій чистый. 2) Кадыакскій языкъ съ поднарѣчіями кадыакскими, аллегмютскимъ (на сѣверѣ Аляксы), чугатскимъ (на югѣ Аляксы), унагамютскимъ (отъ мыса Стефенсъ до Берингова пролива), малегмютскимъ (у залиновъ Нортонъ и Коцебу) и чукотскимъ (единственнымъ нарѣчіемъ изъ этой семьи, сохранившимся въ нашей имперіи у сидящихъ Чукчей въ Азіи). 3) Кенайскій языкъ съ нарѣчіями мѣдновскимъ или атнянскимъ (у Колчанъ и жителей Мѣдной рѣки), кенайскимъ, (у Кенайскаго залива), кусковимскимъ (у рѣки Квихпака). 4) Якутскій съ нарѣчіями якутатскимъ и угаленскимъ. 5) Ситхинскій или Колошенскій и 6) Кайганскій.

Таковы ученые труды нынѣшняго Московскаго Митрополита Иннокентія.
